

IV

СОВЕЩАНИЯ В РАПАЛЛО И В ПЕСКЬЕРЕ

(6, 7, 8 ноября 1917 г.)

Детальному изложению междусоюзнических переговоров в Рапалло и Пескьере, последовавших за XII сражением на Изонцо, когда события на русском и англо-французском фронтах дали возможность сильнее сконцентрировать австро-венгерские силы и перебросить германские дивизии против нас, я предпосылаю несколько взятых наугад из моего черного дневника отрывков за период от августа по ноябрь 1917 г.

В Рапалло записи производились тремя присутствовавшими на совещании секретарями: Хэнки, Хельброннером и мной. С записями Хельброннера я не был знаком, они находились, вероятно, на прочтении у автора известной статьи «Миссия маршала Феша в Италии» (*Revue des deux Mondes*) от 15 июля 1920 г.).

Записи сэра Мориса Хэнки в точности соответствуют моим записям, просмотренным на месте Орландо и Соннино. Записями Мориса Хэнки воспользовался Ллойд Джордж для IV тома своих «Военных мемуаров», воспроизведя их лишь в минимальной части и опустив при этом детали, представляющие специальный интерес с итальянской точки зрения.

Мои записи воспроизведены в настоящей книге.

Из нижеприведенного можно видеть также происхождение документа, называемого Ллойд Джорджем протоколом совещания в Пескьере с участием итальянского короля.

Прифронтовая полоса, воскресенье 12 августа 1917 г.

По возвращении из Лондона Соннино и я отправляемся в «Вилла Италия», расположенную в прифронтовой полосе. С нами итальянский посол во Франции Сальваго Раджи.

В местности, называемой «Вилла Италия», возвышается занимаемое королем скромное центральное здание с небольшим садом и рощицей. Лица свиты и мы живем в соседних небольших вилах. Все скромно обставлено мебелью прошлого столетия. Владельцы оставили даже сувениры и романтические семейные фотографии.

Чистые, веселые трели птиц в душистом воздухе жаркого и ясно-го дня и доносящийся временами отдаленный гул канонады.

В 18 часов Соннино был принят королем.

За обедом присутствует также Гульельмо Маркони. Спартанское меню. Пустые разговоры. Король говорит о Пьере Лоти, которого он принял днем.

Тотчас же после обеда является офицер из главной квартиры с ежедневным донесением верховного командования. Король отходит в сторону и стоя с неподражаемой простотой и достоинством задает несколько вопросов офицеру, затем присаживается вместе с Брузати к обеденному столу, с которого уже убрана посуда, и по разостланной на нем карте знакомится с операциями и положением на фронте за день.

Понедельник, 13 августа.

Едем в Удине, куда в 7 час. 45 мин. прибывает Пуанкаре в сопровождении министра труда Буржуа, посла Баррера и т. д. Никакой парадности. Группа официальных лиц на станции толпится вдоль поезда. Король вынужден широким жестом руки очистить себе и Пуанкаре дорогу.

Улица, которая ведет от станции к «Вилла Италия», даже не полита. Нестерпимая пылица. Я говорю об этом одному из офицеров главной квартиры. К отъезду будет полита.

В окнах ни одного французского флага, только итальянские. Редкие приветствия редкого населения.

Из Консульты доставлена шифрованная телеграмма, извещающая о мирной инициативе папы. За отсутствием секретарей расшифровываю я сам вместе с Сальваго, который временами спокойно комментирует телеграмму, осуждая акцию своего кузена (Бенедикт XV, Делла Къеза). В телеграмме содержится фраза: «*de voir ainsi se terminer au plus tôt la lutte terrible qui apparaît de plus en plus comme un massacre inutile*» [«достичь таким образом скорейшего окончания ужасной борьбы, которая все более принимает характер бессмысленной бойни»]. Документ был официально послан британским министром иностранных дел нашему послу в Лондоне ввиду того, что папа просил английского короля передать его главам государств, с которыми св. престол не находится в дипломатических отношениях¹. На документе имеется собственноручная подпись папы.

После полудня едем на фронт. Автомобилям, которые приготовлены для нас, Баррер и я предпочитаем открытую машину, несмотря на жгучее солнце и ветер. Баррер, несмотря на свои 66 лет, поражает жизненностью и энергией. Проехав через Капоретто, поднимаемся на гору Столь. Вижу Тольмино.

Живописная извилистая дорога, построенная военно-инженерными войсками на горе Столь, которая служит наблюдательным пунктом, содержится в отличном состоянии. Мне говорили, что во

время недавней поездки короля с герцогом Коннаутским, когда они были на вершине горы, над ними начали парить два горных орла.

На бывшей австрийской территории, радуя взор, прекрасно выглядят отремонтированные и заново покрашенные нами дома, не в пример старым, почерневшим от времени или поврежденным войной.

В тылу—траншеи. Сопровождающий нас офицер Соларо-дель-Борго говорит: «Они устроены на всякий случай».

Вторник, 14 августа.

Рано утром Пуанкаре, произведя вместе с королем смотр некоторым частям в живописной местности, расположенной между холмами в Пурджессимо, лично вручает многочисленные французские ордена итальянским офицерам и солдатам. Выражение живой, почти отеческой радости светится на лице короля, вглядывающегося в загорелые симпатичные, скромные лица награжденных героев.

Во время раздачи орденов я слышу, как Кадорна говорит Капелло: «Кто же возьмет Монте-Санто?»—как будто не было никакого сомнения в успехе. Позднее мне показывают готовые лагеря, где будут сконцентрированы австрийские военнопленные, которые будут взяты во время ближайшего наступления. И это как будто рассчитано с математической точностью.

В полдень—поездка в Горицу. На каждой улице, на каждой площади, на каждом шагу следы разрушений от бомбардировок, следы пожаров. Ни одного неповрежденного дома. Особенно поражает исковерканное взрывами железо и чугун от фонарей.

Дважды проходим по мосту, замаскированному цыновками. Зной. Чудесный голубовато-зеленый цвет холодной воды реки Изонцо.

Среда, 15 августа.

Днем—вновь на фронте. Добердо, Сан-Микеле.

Скалистые вершины без единого дерева, лишенные всякой растительности. Гигантские обломки, нагроможденные рукой чудовищного каменотеса—работа пушек и пулеметов. И камень и видимая местами земля—все окрашено во влажнокрасный цвет, как бы смочено кровью.

Отъезд Пуанкаре.

Мы выезжаем в Рим*.

* В «Дневнике войны» Л. Биссолати (Torino 1935) нахожу заметку, датированную 14 августа (1917 г.): «Прибытие в Удине.—У короля.—У Соларо-дель-Борго.—Коммюнике без упоминания о моем присутствии.—«Неприятель» ко мне разных Альдрованди, Мартино и мелкие уколы Соннино».

Под коммюнике следует, мне кажется, подразумевать сообщение агентства Стефани о визите Пуанкаре к итальянскому королю. Я составил одно из таких коммюнике, в котором из глав государств были названы только двое, сопроводив это коммюнике фразой, указывавшей на политическое значение этой встречи. В сообщении этом не были названы даже Бозелли и Соннино.

Впрочем, в более полном сообщении Стефани от 15 августа, редактиро-

Рим, четверг, 16 августа.

В специальном выпуске газеты «Osservatore Romano» опубликована папская нота, помеченная 1 августа. В итальянском тексте: «Прекращение этой ужасной борьбы, которая с каждым днем приобретает все больше характер бессмысленной бойни».

Пятница, 17 августа.

Начало итальянского наступления, предсказанного полковником Альбриччи на Лондонской конференции.

Баррер сообщает, что, по мнению Рибо, не следует отвечать на папскую ноту; он надеется, что итальянское правительство придерживается того же мнения. Соннино сказал ему, что он разделяет точку зрения Рибо, но должен предварительно выслушать мнение премьер-министра.

Воскресенье, 19 августа.

Через Изонцо, между Анхово и Доблар, нашими войсками переброшено 14 мостов.

Соннино разослал всем итальянским посольствам и миссиям длинный циркуляр по поводу папской ноты.

В циркуляре, «при всем уважении к св. отцу и его добрым намерениям», он заявляет, что трудно было выбрать более неподходящий момент для его выступления. Выступление это поведет лишь к потрясению умов в переживаемый критический момент. Часть папского послания, касающаяся итальянских притязаний, лишена какой бы то ни было возможной базы для переговоров.

Четверг, 23 августа.

Обмен телеграммами между Пуанкаре и королем.

Пуанкаре радуется блестящему успеху итальянцев на трудной для военных действий местности, которую он осматривал несколько дней тому назад. В телеграмме короля говорится: «Сражение на Изонцо продолжается против неприятеля, сопротивление которого делается все более ожесточенным благодаря характеру местности». Следуют слова восхищения борьбой «на героическом фронте Вердена».

Пишон в газете «Petit Journal» комментирует эти две телеграммы: «Слова короля звучат, как призыв трубы, в то время как так называемые нейтральные прилагают отчаянные усилия

ванном в секретариате председателя совета министров, упоминалось о присутствии министра Биссолати.

Никакой «неприязни» с моей стороны. Если мне приходилось внутренне сожалеть о действиях Биссолати, хотя бы совершенных им без злого умысла, но наносивших вред моему начальнику—министру иностранных дел, то это следует приписать дальнейшему поведению Биссолати в личной, частной и общественной жизни.

О мелких выпадах, «уколах» Соннино против Биссолати мне неизвестно, но в «Дневнике войны» Биссолати действительно содержатся неоправданные выпады по адресу Соннино.

к осуществлению своих планов, которые должны довершить провозглашенное ими наше поражение. Урок будет понят, кроме Парижа и Рима, и в других местах».

Суббота, 25 августа.

Коммюнике Кадорны: «Со вчерашнего дня трехцветное знамя развевается на вершине Монте-Санто».

Понедельник, 27 августа.

Волнения в Турине.

Ввиду появления известия об этом на страницах иностранных газет, особенно французских, как об этом уведомлял Сальваго, в итальянское посольство в Париже была послана следующая телеграмма на основании данных, сообщенных секретариатом премьер-министра: «Вследствие недостатка хлеба, обнаружившегося несколько дней назад в Турине, утром 22-го числа текущего месяца начало распространяться сильное недовольство среди рабочих масс, сопровождаемое уличными демонстрациями и прекращением работ. 23-го числа положение ухудшилось, и были совершены эксцессы, так как волнение приняло погромный характер. 24-го числа волнения продолжались. 25-го числа стало гораздо спокойнее, так как военные власти, на которые было возложено поддержание общественного порядка, быстро оттеснили бунтовщиков на периферию города, где произошло несколько столкновений. Спокойствие восстановлено, и сегодня рабочие приступают к работе. Убитых насчитывается 27 человек».

Среда, 29 августа.

В некоторых политических кругах высказывается сильное недовольство по поводу нашего наступления. Президент Бозелли считает нужным созвать парламент.

Четверг, 30 августа.

За подписью Лансинга опубликован ответ американского правительства на папскую ноту.

Я [говорю]: «Проводит различие между народами и правительствами».

Соннино: «Говорит только о Германии».

Социалистические депутаты-офицеры, выходя от Бозелли, заявили: «В этом году больше не будет наступления».

Пятница, 31 августа.

Несколько печатных листов в открытом конверте доходят и до меня. Один из них, подписанный «L'Idea Nazionale», прислан вместе с копией запрещенной цензурой статьи этой газеты, озаглавленной «Держаться твердо!» В другом листке содержится копия письма Энрико Коррадини к Орландо с жалобами на поведение цензуры.

В запрещенной статье говорилось о туринских событиях, где «социалистическая зараза и джолиттианская зараза спаяны

воедино, как нигде». В статье говорится дальше: «Наступить—это лозунг армии. Держаться твердо—должно быть лозунгом страны... За армией должна стоять уверенная в себе, дисциплинированная, твердая духом страна... В настоящее время наиболее уверена в победе... та нация, у которой и на фронте и внутри страны во главе управления стоят способные люди».

Письмо Энрико Коррадини к Орландо есть письмо «сознательного итальянца, принимающего горячее участие во внутренней жизни своего отечества в этот серьезный час». «Туринские события², о которых запрещено говорить, обязаны своим происхождением не столько враждебному отношению его населения к войне, сколько порочному режиму, в условиях которого имели возможность действовать всякого рода противники войны—отечественные и иностранные».

Воскресенье, 2 сентября.

Неуверенность и затруднения парламентского порядка.

Говорю Соннино: «Почему вы не берете на себя должность председателя парламента?»

«Тотчас же между нами возник бы конфликт».

Четверг, 13 сентября.

Совет министров дважды собирался сегодня. В одном официальном коммюнике говорится, что обсуждение вопросов общей политики закончилось «единодушным признанием директив, соответствующих требованиям, вытекающим из нынешнего положения страны».

Опубликовано известие об отставке Камилло Коррадини—начальника кабинета Орландо и Вильяни—генерального директора государственной безопасности, о чем этими лицами были поданы соответствующие прошения от 9 и 12-го числа.

Вторник, 18 сентября.

Бозелли, усталый, отчаявшийся, говорит мне: «Я жду от Орландо приказа об объявлении осадного положения в четырех провинциях».

Среда, 19 сентября.

К., вернувшийся с фронта, говорит, что, как там считают, мир будет заключен до наступления зимы. Кто-то говорил ему: «После выхода из войны русских о ней следует судить иначе». Кадорна отметил усталость и упадок боевого духа в войсках.

В результате наступления в августе 1916 г. (взятие Горицы) у нас было около 50 тысяч убитых и раненых; после наступления в августе текущего года (взятие Байнсицы)—около 140 тысяч.

Х., депутат-нейтралист, интриган, говорит: «Нет сомнения, что министерство падет по открытии парламента. Идет уже торг о постах помощников министров. Кадорна хочет мира. Агитируют

за Орландо, ему будет указана линия поведения, которой он должен придерживаться».

Вторник, 25 сентября.

Король отправляется во Францию с ответным визитом к Пуанкаре.

За последние недели Соннино неоднократно советовал отложить поездку, мотивируя это соображениями внутривполитического характера. Соннино боялся, что Ллойд Джордж захочет воспользоваться этой поездкой для устройства встречи между итальянским королем, королем Георгом и Пуанкаре с целью нового рассмотрения мирных предложений, сделанных Австро-Венгрией через посредство принца Сикста.

Соннино продолжает сохранять абсолютно отрицательную позицию в этом вопросе, занятую им еще в Сен-Жан-де-Мориен, когда ему об этом было впервые сообщено. Он полагает, что сепаратный мир с Австро-Венгрией означал бы полное разочарование или серьезное сокращение итальянских притязаний и сделал бы бесполезными жертвы 28 месяцев войны, сотен тысяч наших убитых и раненых.

Бозелли хотел бы сопровождать короля в его поездке, но именно для того, чтобы поездка эта не приняла вышеуказанного характера, которого не желал Соннино, в совете министров было решено еще в начале сентября, что короля будут сопровождать не министры, непосредственно ответственные за внешнюю политику — премьер-министр и Соннино, а министр Руффини. Впрочем, Пуанкаре прибыл в Италию с одним лишь Буржуа.

По поводу происков принца Сикста, направленных к заключению сепаратного мира, Соннино набросал лично черновик, который он передал мне; черновику пока не должно было быть дано никакого дальнейшего хода*.

Он был составлен в следующих выражениях:

В первой моей личной беседе с Рибо 24 июля он сообщил мне в совершенно конфиденциальном порядке, прося соблюдать строжайшую тайну, что принц Сикст Бурбонский, брат австро-венгерской императрицы, находящийся в настоящее время в рядах французской армии, прислал уведомление о том, что в его распоряжении находится собственноручное письмо императора

* В IV томе своих «Военных мемуаров» Ллойд Джордж посвящает специальную главу (LXI) австрийской попытке заключения сепаратного мира. Как и принц Сикст, разъяснявший в своей книге «L'offre de paix séparée de l'Autriche» значение фразы, содержащейся во втором письме императора Карла, Ллойд Джордж теперь говорит о якобы имевших место односторонних итальянских попытках добиться мира с Австро-Венгрией, причем итальянское правительство не имело касательства к этим попыткам, но е. в. король (!), итальянское командование (!) и некоторые итальянские политические деятели, как Джолитти и Титтони (!), имели отношение к этим попыткам. Подобные невероятные слухи неоднократно и настойчиво распространялись коварным врагом также в Швейцарии, Франции и Англии. В нижеприведенном документе содержится решительное опровержение Соннино этой бессмыслицы.

Карла, уполномочившего его предпринять шаги с целью заключения мира между Австро-Венгрией, Францией и Англией. Военное положение Австро-Венгрии, говорилось в этом письме, датированном 31 марта, весьма удовлетворительно, между тем как этого нельзя сказать о союзниках, имея к тому же в виду недавние события в России. Император Карл заявлял о своей готовности ходатайствовать перед Германией, если только мир этот будет достигнут, о возвращении Франции Эльзас-Лотарингии. Такого было сообщение, которое французское и английское правительства желали передать на рассмотрение глав государств Италии, Франции и Англии, в случае если бы состоялось предполагавшееся их свидание. Ллойд Джордж и Рибо дали знать Австро-Венгрии, что они не могут вести переговоры о сепаратном мире без ведома Италии, тем более что Австрия была главным ее противником и в выдвигаемых переговорах не было сделано никакого предложения в пользу Италии. Они, однако, выяснили намерения Австро-Венгрии относительно уступок в пользу Италии. Франко-британский ответ был дан около 21 апреля. В мае император Карл отправил принцу Сиксту новое письмо, в котором отмечал, что вопрос об Италии не должен служить помехой переговорам, тем более что Италия недавно выступала с предложением о мире с Австро-Венгрией, в котором выдвигались гораздо менее широкие требования, чем в предложении союзников; она ограничивалась притязаниями на одну лишь Трентинскую область, на легкое исправление границ в сторону Изонцо и на некоторые острова. Эти итальянские предложения были якобы сделаны тайком от министра иностранных дел, но с ведома короля Витторио и верховного командования (этого, повидимому, не было сказано в письме императора, но было рассказано самим Рибо, как о переданном ему устно). На это письмо императора Карла был дан ответ в том лишь смысле, что Франция и Англия не могут вести переговоров о мире с Австро-Венгрией, если последняя не обратится одновременно к их союзнице Италии. В письмах императора Карла не говорилось об уступках в пользу Румынии, но Австро-Венгрия оставляла за собой право соблюдать в случае заключения мира с Францией и Англией строгий нейтралитет в войне между этими двумя державами и Германией, сохранив за собой лишь право пропускать в Германию хлеб с засеянных ругами немцев полей Румынии.

Я ответил господину Рибо и затем господину Ллойд Джорджу, принимавшему участие в совещании, участниками которого были одни лишь министры без секретарей, что я даю абсолютную гарантию в том, что никаких переговоров между Италией и Австро-Венгрией никогда не предпринималось ни итальянским правительством, ни королем и что, следовательно, вышеупомянутое утверждение должно рассматриваться как абсолютно ложное.

Господин Рибо спрашивал меня, не могла ли подобная инициатива исходить от итальянских военных властей, на что я ответил отрицательно, замечая при этом, что это шло бы в разрез со всей нашей военной тактикой, которая всегда была направлена в сторону Изонцо, а не Трентино.

Я указал, кроме того, что тот факт, что Австрия бралась поддержать перед Германией даже после заключения мира французские требования относительно Эльзас-Лотарингии, свидетельствует о том, что ход был сделан в согласии с Германией, ибо невозможно предположить, чтобы император Карл мог надеяться сохранить какое-либо влияние на союзника, которого он погинул или предал.

В беседе, состоявшейся 3 августа, король Георг говорил мне, что, как сообщил ему принц Сикст, уполномоченные итальянского короля или генерала Кадорны отправились в Швейцарию для переговоров о мире с Австро-Венгрией. Король Георг заявил мне, что он никогда не верил, что король Виктор-Эммануил принимал участие во всем этом.

Четверг, 27 сентября.

Так как Кадорна заявил, что ввиду возможного в ближайшем будущем неприятельского наступления он не может ни сейчас,

ни раньше ближайшей весны предпринять такое наступление, какого хотели бы союзники и ради которого они прислали несколько батарей, Англия снимает свои батареи с нашего фронта. Генерал Робертсон затребовал их в грубой форме телеграммой, которую Кадорна называет «дерзкой». Кадорна ответил ему в резкой форме.

Соннино: «Я ответил бы еще хуже».

Пятница, 28 сентября.

Кадорна принимает участие в совете министров.

Франция также снимает пушки с нашего фронта.

Известие о концентрации неприятельской артиллерии на фронте Тольмино.

Суббота, 29 сентября.

По поводу снятия английских батарей с нашего фронта Робертсон говорил нашему поверенному в делах в Лондоне Боргезе, что он, со своей стороны, не считает вероятным австрийское наступление в ближайшем будущем.

Четверг, 4 октября.

Ватикан вручил английскому посланнику новую ноту за подписью кардинала Гаспарри, в которой по поводу германского и австро-венгерского ответа вновь приводятся предложения, содержащиеся в августовской ноте папы.

Соннино замечает, что германский ответ, не содержащий никакой возможной базы для серьезных переговоров о мире, стремится, главным образом, вызвать в войсках противника разложение и депрессию.

Пятница, 12 октября.

Говорят о созыве междусоюзнического совещания в Париже и возможности участия в этом совещании делегата от «Русского совета».

Соннино: «В последнем случае я на совещание не поеду».

Вторник, 16 октября.

Соннино по поводу попыток заключения мира говорит Барреру: «Центральные империи притворяются, что они разобщены между собою, для того чтобы разобщить нас».

Открытие парламента. Речь Бозелли. Результат голосования: 228—за, 51—против, 15—воздержавшихся.

Соннино после заседания: «Сегодня палата против министерства. Нитти выставляет кандидатуру на пост премьера».

Среда, 17 октября.

Сегодня утром заседание совета министров.

Соннино по поводу политического свидания: «Кто знает, будем ли мы там еще через шесть дней».

В палате. Туринские события. Речь Лабриола, очень бурная: «Национальное министерство, разумеется, не представляет собою министерства внутренне единого». Он против Соннино.

Соннино: «В парламентской игре правые занимают нерешительную позицию, ибо если разразится кризис, они захотят влиять на него».

Четверг, 18 октября.

Слухи о надвигающемся кризисе.

Одна из оппозиционных групп принимает название «Парламентское единение».

В парламенте шумные выступления. Биссолати говорит по адресу крайней левой: «Для защиты Италии и армии я открыл бы огонь даже против вас».

Пятница, 19 октября.

О Соннино, Орlando и Нитти говорят, как о возможных премьерах. Но Соннино не желает поста премьера.

Суббота, 20 октября.

Когда сегодня в палате поднялся на трибуну Нитти, воцарилась глубокая тишина. Начальная фраза его речи: «Мы переживаем тяжелые времена» — является как бы констатацией и ускорением кризиса. Это была программная речь. Он против кабинета, который считает слабым. Комплименты по адресу Орlando. Атаки на Вашингтонскую комиссию по снабжению, в которой Нитти недавно принимал участие и которая послужила предметом его переписки и расхождений с Соннино. Соннино прерывает его. Затем Нитти говорит против возможности революции: «Революция в Италии означала бы голод». Наконец, он заявляет, что «готов оказать поддержку правительству, которое руководствуется чувством реальности, внося в каждое свое действие дух искренности».

Кулуарные слухи: Джолитти хочет, чтобы остались Бозелли и Соннино.

Соннино выказывает меньше враждебности к тому, чтобы остаться, но говорит: «Я не могу быть премьером. К нему, между прочим, приходят жаловаться коллеги. У кого же есть время на то, чтобы принимать, успокаивать, улаживать споры?»

Резкая статья Муссолини в «*Popolo d'Italia*» по поводу парламентской ситуации. Модильяни посылает ему вызов на дуэль. Муссолини, вынужденный все еще носить костыли из-за тяжелых ран, полученных на фронте, принимает вызов и назначает своих секундантов.

Понедельник, 22 октября.

Начальник кабинета премьер-министра говорит мне: «Участь Бозелли решена. Постановлено назначить премьером Орlando. Нитти займет пост министра снабжения и войдет в военный совет. Используют Соннино и затем грубо вытолкнут его. Новое министерство будет долговечным, заключит мир и назначит выборы».

Барон Монти, осторожный посредник между итальянским правительством и Ватиканом, рассказывал мне, что кардинал Гаспарри сказал, что его святейшество узнал из достоверного

источника, что ответ Антанты на папскую ноту не был дан по вине Соннино*. В Ватикане это истолковали как нелюбезность и сожалели об этом.

Читаю в газете об интервью, данном генералом Кадорной по поводу возможного наступления неприятеля. Газета поместила над тремя столбцами следующую фразу Кадорны: «Что ж, пусть идут, и пусть их будет много!»

Вторник, 23 октября.

В палате. Речь Орландо имела большой успех. Свобода. Свобода.

Среда, 24 октября.

В палате с успехом выступил военный министр Джардино. «На Изонцо на-днях был обнаружен пруссак». — «Пусть наступают, мы не боимся».

Сегодня утром неприятель начал артиллерийский обстрел на Изонцо.

Четверг, 25 октября.

Баррер заявил мне, что ему тяжело было слышать в палате заявления, враждебные Соннино. Надеется, что Соннино будет реагировать.

Соннино сегодня выступил в парламенте. В своей продолжительной речи он особенно подробно остановился на папской ноте. Сочувственное упоминание о Бельгии. Вновь говорил о необходимости внутренней дисциплины, «для того чтобы не провалить войну».

Живейший успех.

Даже Нитти спешит позвать руку Соннино.

Речь Бозелли.

Шумные одобрения.

Результат голосования: 96—за, 314—против.

В., американец, пробывший в палате до окончания речи Бозелли и слышавший горячие аплодисменты по адресу последнего, был ошеломлен, когда вечером я объявил ему о падении министерства.

Секретная телеграмма Кадорны военному министерству. В телеграмме фраза: «Намечается катастрофа».

Соннино говорит мне об этом вполголоса, с болью, но спокойно.

Пятница, 26 октября.

Бозелли объявляет парламенту, что министерство в результате вчерашнего голосования подало в отставку.

Сегодня ранним утром я отправился на Палатин навестить Джакомо Бони. Он рассказал мне, что прошлой ночью ураганом

* Ср. мою запись от 17 августа, из которой видно, что инициатива принадлежала не Соннино, а французам.

был снесен и почти разрушен построенный им на вершине холма жертвенник.

Он связывает это обстоятельство с событиями на фронте и обращает на меня тревожно-вопросительный взгляд голубых глаз*.

Суббота, 27 октября.

Генерал Ди Джорджо говорит Биссолати: «Спокойствие Кадорны вселяет уверенность».

Слухи о необходимости французской и английской помощи и о том, что эта помощь предложена.

Соннино по поводу кризиса: «Затруднительность взаимоотношений между теми, которые хотят остаться, и теми, которых хотят убрать».

Воскресенье, 28 октября.

Франция обещает прислать четыре дивизии. Послезавтра начнут переходить границу.

Соннино был у короля, вернувшегося в Рим в связи с министерским кризисом. Нашел его спокойным. Король говорил ему, что солдаты в тылу держат себя почтительно. Туман причинил серьезный ущерб. Баварские солдаты появлялись на расстоянии 50 метров. В первой линии находятся 10 германских дивизий; другие стоят в резерве.

Многочисленные беседы Орlando с Соннино.

Во второй половине дня (17 час. 30 мин.) открываю телеграмму со сводкой верховного командования. Горестные сообщения об «отсутствии достаточного сопротивления со стороны частей II армии»**.

Сообщаю телеграмму Соннино; он велит обратить внимание премьер-министра на необходимость принятия мер к недопущению распространения телеграммы в этой форме. Телефоную. От премьер-министра мне отвечают, что это будет сделано в области внутренней информации, но замечают при этом, что текст был уже телеграфирован непосредственно командованием швейцар-

* В следующем году Бони нашел поблизости от того места кусок замечательной статуи Победы греческого мастера, использованный в качестве простого строительного материала при постройке средневекового здания. Он показал мне его в своем рабочем кабинете, рассматривая эту находку как счастливое предзнаменование. Бони дал Орlando рисунок этого мрамора.

** Иначе звучат (хотя при этом противник преследовал свои особые цели) неприятельские сводки. В австрийской сводке от 25 октября говорится: «Пехота вела наступление в бурю, снег и дождь; неприятель мужественно оборонялся»; «Вчера итальянская армия оказала ожесточеннейшее сопротивление». Германская сводка: «Несмотря на упорное сопротивление»; «Стойкое сопротивление итальянцев пришлось преодолевать в жестоких рукопашных схватках». Австрийская сводка от 27 октября: «На плоскогорье Байсица итальянцы защищали каждую пядь земли». Австрийская сводка от 29 октября: «Горица была отвоевана в результате жестоких уличных боев... все усилия итальянцев оказать сопротивление были тщетны». Сводки эти в более полном виде приводятся в предисловии Муссолини к книге генерала Альберти «Свидетельства иностранцев об итальянской войне» (Roma 1933).

скому телеграфному агентству в Базеле и радиотелеграфирован со станции Кольтано.

Итальянский посол в Мадриде Бонин телеграфирует, что король Альфонс испанский, говоривший ему об австро-германском наступлении, повидимому, полагает, что главный удар будет направлен против трентинского фронта, где, как ему передавали испанские офицеры, посетившие месяц назад австрийский фронт, были сосредоточены крупные силы и даже были построены специальные заслоны вдоль дорог, которые, благодаря этому, становятся проезжими и в снежную погоду.

Понедельник, 29 октября.

Со всех сторон от наших представителей за границей поступают известия о потрясающем впечатлении, произведенном военной сводкой от 28-го числа.

Поверенный в делах Англии Эрскин сообщает телеграмму Бальфура. Британское правительство желает знать, что именно оно могло бы сделать для Италии в нынешних обстоятельствах, поэтому вчера вечером начальник генерального штаба Робертсон выехал на итальянский фронт.

Вторник, 30 октября.

Разрешение кризиса. Орlando—премьер-министр, Нитти—министр финансов. Соннино говорит мне о его назначении в это ведомство, цедя слова сквозь зубы, с явно скептическим выражением в глазах.

Вечером, будучи на станции, я увидел на вагоне отходящего поезда надпись «Рим—Удине», а Удине, насколько мне известно, уже занято неприятелем*.

Посланник в Берне Пауллуччи телеграфирует, что, как ему передавал один нейтральный дипломат, поддерживающий постоянную связь с тамошней германской миссией, план германского штаба заключается в том, чтобы в течение шести недель занять Геную и затем ударить в тыл французам, продиктовав условия мира до вмешательства Америки. Он добавляет, что, по сведениям, исходящим из того же источника, за последний месяц из Германии

* Известия и слухи тех дней: а) Месяц назад стало известно, что неприятель намеревается повести наступление; две недели назад распространилась весть о том, что наступление это будет направлено в сторону Капоретто. Там была оставлена всего одна линия. Тыловые траншеи были пусты. Никакой маневренной армии. б) Скверная погода, туман. Наступлению предшествовали мощные непрерывные газовые атаки. У наших не было поджогющих противогазов. Груды итальянских трупов. Неприятельские войска в районе главного натиска были в четыре раза многочисленнее наших. 24-го числа в 15 часов верховное итальянское командование было уже изолировано. в) Кадорна говорил одному лицу (которое мне об этом непосредственно сообщило): «Я не генерал, потерпевший поражение, я жертва предательства, вместе со мной была предана Италия. В течение двух дней я потерял 600 тысяч человек. За первой линией были расположены пять сильно укрепленных линий».

через Инсбрук проследовало 200 воинских поездов по 35 вагонов, каждый на 48 человек, т. е. около 330 тысяч человек. Кроме того, многочисленные поезда, груженные артиллерией, железнодорожным материалом, продовольствием.

Консул Киовенда сообщает, что в Женеве печатаются для переправы в Италию немецкие прокламации, предназначенные для наших войск с целью вызвать восстание в провинциях, которое должно якобы состояться 2 ноября.

Четверг, 1 ноября.

Империади телеграфирует, что он имел продолжительную беседу с английским королем, который вызывал его по телефону и выразил ему живейшее сочувствие по поводу событий на нашем фронте. Король резко осуждал пацифистскую и пораженческую пропаганду внутри и вне страны и выразил надежду, что Италия счастливо преодолеет кризис.

Принц Уэльский сегодня утром под большим секретом выехал на итальянский фронт в качестве прикомандированного к штабу английского экспедиционного корпуса.

Соннино беседовал с генералом Робертсоном, который прибыл в Рим после краткого осмотра нашего фронта. Робертсон полагает, что следовало бы защищать Тальяменто, но что в этом отношении он полагается на мнение итальянского командования.

Соннино, кроме того, имел беседу с американским послом Пейджем. Пейдж заявляет, что он обратил внимание своего правительства на необходимость объявления войны также и Австро-Венгрии*. Пейдж хочет знать, одобрительно ли отнесутся к присылке нескольких отрядов американских войск в Италию. Соннино соглашается и благодарит, хотя и вяло, ибо сознает, что американский жест в настоящее время не будет иметь никакого практического значения**, однако Соннино признает моральный эффект, который произведет американское предложение.

Новый военный министр Альфиери сообщает телеграмму Кадорны от 30 октября, в которой «ввиду настоящего положения и могущей создаться тяжелой ситуации просит принять необходимые меры к тому, чтобы в случае надобности войска, расположенные в Албании и Ливии, могли быть возможно скорее уведены».

Соннино решительнейшим образом высказывается против этого.

Пятница, 2 ноября.

Ходят фантастические слухи об «измене» Капелло и о том, что Кадорна 25 октября был в Риме с целью вызвать министер-

* Соединенные Штаты объявили войну Германии 6 апреля 1917 г., а 7 декабря 1917 г. ими была объявлена война Австрии.

** Единственный американский полк, бывший на нашем фронте, прибыл в Италию из Франции 30 июня 1918 г. и 28 июля 1918 г. расположился южнее озера Гарда. Два батальона этого полка в конце сентября заняли передовые позиции.

ский кризис. Ставку верховного командования будто бы предполагается перевести в Феррару.

Тревожные телеграммы из разных мест, в том числе от Биссолати: «Положение почти безнадежно», «Требуется возможно срочная помощь союзников в размере по крайней мере 200 тысяч человек»*.

Скопление войск при отступлении так велико, что автомобили, как мне рассказывали, были вынуждены стоять на месте с работающими моторами в течение 5 или 6 часов.

Меня уверяют, что прибывший сегодня в Рим генерал Фош будто бы сказал герцогу д'Аоста, всецело поглощенному наведением порядка в III армии: «Итальянцам ничего другого не остается, как отступить к Милану и далее...» На что герцог ответил: «И это вы говорите принцу Савойского дома?»

Начинается эвакуация Венеции**.

Из Швейцарии почтой мне доставлена германская прокламация на итальянском языке, основанная на давнишней дерзкой, бессмысленной клевете о предательстве Италии. Прокламация озаглавлена: «Германское вторжение в Рим».

Неприятельская пропаганда коварно и упорно проводилась среди наших бойцов. Мне говорили, что распространялись слухи и прокламации в духе русского фронта: «Война окончена. Мы все хотим окончания войны, но если вы будете продолжать драться, гибель ваша неминуема».

Соннино сообщили, что на фронте в числе невзорвавшихся крупных снарядов был найден снаряд, на котором было написано мелом «Für Sonnino» [«Для Соннино»]. Соннино отправил этот снаряд в Ромито в средневековую башню, служащую ему летней резиденцией, в которой он велел приготовить себе склеп. Бонин телеграфирует из Испании, что король Альфонс подтвердил

* Биссолати пишет 2 ноября в цитированном выше «Дневнике войны»: «От этих трех или четырех дней будет зависеть существование Италии».

** Орlando впоследствии рассказывал мне, что это было сделано без его распоряжения и ведома. Но страх перед оставлением Венеции продолжался несколько дней. 18 ноября мною было получено письмо от Джиберто Арривабене; он призывал оказать сопротивление во что бы то ни стало для спасения Венеции, потеря которой имела бы не только материальное, но и огромное моральное значение. Я ознакомил Соннино с этим письмом. Он промолчал, но, отправляясь на заседание совета министров, захватил с собой письмо. Еще 20 ноября циркулировали слухи о том, что немцы и австрийцы намерены окончательно захватить Венецию. «Тотчас же по занятии Венеции они издадут декрет об ее аннексии». Соннино: «Я этому не верю». Испанский посол Вилла Урруция, представлявший в Италии во время войны Австро-Венгрию, уведомил 12 ноября Соннино, что австро-венгерское правительство официально запрашивает итальянское правительство о том, «является ли Венеция открытым городом. Вилла Урруция добавил, что австро-венгерское правительство слагает с себя всякую ответственность в случае несообщения ответа в течение суток». Соннино, выслушав мнение подлежащих органов, ответил: «Город Венеция не укреплен».

сказанное им несколько дней назад о том, что наибольший удар австро-германской армии будет нанесен на трентинском фронте.

Ллойд Джордж уведомил Империади, что выедет сегодня в Париж, откуда вместе с Пенлеве проследует в Италию, желая встретиться с Орландо.

Воскресенье, 4 ноября.

Реннел Родд пишет Соннино, что по сообщению британского посланника в Берне австрийский министр иностранных дел отправил в Швейцарию агента, желая официально дать знать британскому правительству, что если оно готово принять участие в совещании на тему о мире, то австрийское правительство возьмет на себя обязательство сохранить это в тайне, и что граф Чернин был бы готов сделать немедленное заявление об обеспечении неприкосновенности итальянской территории в довоенных ее пределах, несмотря на недавние военные события.

Г-н Бальфур инструктировал британского посланника в Берне передать своему информатору, что он, Бальфур, убежден, что мир может быть обсужден британским правительством только совместно с союзниками, но если австрийское правительство желает сделать союзникам какие-либо предложения, он передаст их.

Британский посланник в Берне известит обо всем этом итальянского, французского и русского коллег.

Родд в пост-скриптуме добавляет: «Это является лишним доказательством того, что заключение мира стало абсолютно необходимым для Австрии».

Понедельник, 5 ноября.

Сальваго Раджи извещает, что, согласно идущим из Швейцарии сведениям, австро-германское наступление из Трентинской области должно начаться приблизительно 15-го текущего месяца.

Совещание Орландо и Соннино с Ллойд Джорджем и Пенлеве, которое вначале предполагалось устроить в Нерви, состоится завтра в Рапалло.

Неприятель перешел Тальяменто.

* * *

Рапалло, вторник, 6 ноября.

В Рапалло, кроме Орландо и Соннино, съехались из разных мест премьер-министры Франции и Англии—Пенлеве и Ллойд Джордж в сопровождении многочисленной свиты.

Первое совещание состоится в гостинице «Нью Казино Отель» в 10 час. 15 мин.

На заседании присутствуют Орландо и Соннино, Пенлеве, Франклен-Буйон и генерал Смэтс, сэр Морис Хэнки, командант Хельброннер и я.

Орландо заявляет, что военное положение на итальянском фронте можно резюмировать следующим образом: против

Италии стоит наиболее боеспособная часть австрийской армии, равно как и значительные германские подкрепления, определяемые в 300 тысяч человек. Во всяком случае речь идет о многочисленных и отборнейших войсках. Под натиском неприятеля итальянский фронт был прорван в районе расположения II армии, войска были охвачены паникой, от которой в известных случаях не гарантированы наиболее закаленные войска, как об этом свидетельствует военная история всех времен.

Ввиду того что II армия представляет собой крупную силу, событие это приобретает характер, серьезность которого не следует преуменьшать. Однако положение вполне поправимо.

Что события должны быть приписаны вышеназванным причинам, а не изменению состояния духа войск, доказывается тем фактом, что остальные армии сражались и сражаются доблестным образом, особенно III армия, которая выполнила и продолжает выполнять отступление в труднейших условиях в совершенном порядке. Солдаты той же II армии были легко собраны, и они составляют все еще внушительную силу из нескольких сот тысяч человек, которым требуется лишь время для реорганизации.

Ллойд Джордж.—Несколько сот тысяч человек во II армии? Мне говорили, что во II армии сейчас осталось не более 24 батальонов.

Орландо.—Да, 24 батальона находятся под ружьем, но кроме них имеется 300 тысяч человек дезорганизованных, которых нужно собрать в армию.

Помощь союзников должна, следовательно, быть оказана в течение срока, необходимого для вышеуказанной реорганизации. Линия реки Пиаве, на которой будет оказано отчаянное сопротивление, представляет собой в общем хорошую позицию за исключением одного пункта. Однако ввиду временного расстройств всех частей II армии остальных войск, которыми располагает Италия, едва достаточно для занятия этой линии. Это чревато двумя серьезными опасностями. Первая касается возможности (имеются все основания считать ее вероятной) форсированного наступления со стороны Трентино: в этом случае охраняющие ее войска недостаточны. Во-вторых, так как всех имеющихся в распоряжении войск едва достаточно (как уже говорилось) для занятия фронта, наша армия осталась бы без всяких резервов и маневренной массы для немедленной переброски на наиболее угрожаемые пункты.

Ввиду всех изложенных выше условий помощь союзников должна выразиться в размере не менее 15 дивизий. Необходимо, кроме того, чтобы прибытие этих дивизий совершилось в кратчайший срок и чтобы распределены они были по таким местам, откуда они могли бы быстро начать действия.

Если военная помощь союзников будет оказана с соблюдением вышеназванных условий, итальянское правительство убеждено,

в той степени уверенности, которая вообще возможна, что оно сможет справиться с положением. Если же условия эти не будут соблюдены, все предположения приведут к противоположным результатам, т. е. к невозможности удержаться на линии Пиаве и, следовательно, необходимости дальнейшего отступления, какое в связи со всем комплексом обстоятельств не может не превратиться с военной точки зрения в полную катастрофу со всеми возможными опасными последствиями внутри страны.

От решения, которое примут союзники, зависит возможность сохранения военной мощи Италии, которая даже после перенесенных поражений может сдержать натиск австрийской армии. Итальянское правительство обращает внимание союзников на тот факт, что для спасения положения недостаточно оказать какую-либо помощь, а необходимо сделать это как следует.

Ллойд Джордж.—Согласен с премьером Орландо, что союзники должны дать все, что в их силах, для оказания помощи Италии в настоящем затруднительном положении. Это не только вопрос чести: мы дали слово, и этого было бы достаточно; но, кроме этого, в интересах Великобритании и Франции помочь Италии и оказывать ей поддержку в войне. Однако есть вопросы, которые мы должны рассмотреть, прежде чем вынести решение относительно возможной помощи. И лучше говорить со всей откровенностью, с той откровенностью, которая вытекает из дружбы со стороны союзников, желающих оказать содействие союзнику...

Орландо.—...который хочет сопротивляться во что бы то ни стало, хотя бы ценой отступления в мою Сицилию.

Ллойд Джордж.—Это в интересах всех союзников. Если Австрия и Германия восторжествуют, образуется новая Европа. Наша борьба есть борьба за свободу народов; если мы будем побеждены, это будет означать для Англии, так же как и для Франции и Италии, конец принципов демократии и свободы. Мы должны пожертвовать всем для борьбы.

Орландо.—Для этого мы и собрались здесь.

Ллойд Джордж.—Франция посылает четыре лучшие свои дивизии, Англия уже выслала две дивизии, которые находятся в пути, и пошлет еще две. Все они вместе составят восемь первоклассных дивизий, которые придут так скоро, как скоро железные дороги смогут выполнить их перевозку. Это—лучшие дивизии французской и английской армий. Когда генерал Робертсон спрашивал меня, как ему поступить, я ответил, что следует выбрать лучших людей; выбор дивизий был произведен на этой основе.

Теперь перехожу к тем соображениям, в зависимости от которых можно оказать достаточную помощь. Бесцельно посылать наши войска в Италию, если мы не уверены в том, что они окажутся полезными. Это сводится к вопросу о пригодности командования, т. е. о плодотворном руководстве итальянской армией, ибо если командование не будет пригодным, это будет означать не только

разгром итальянских войск, но и французских и английских дивизий.

На основании полученных сведений я не думаю, чтобы итальянскому командованию возможно было доверить английские и французские дивизии. Я хочу говорить с максимальной откровенностью. Тот факт, что часть итальянской армии была охвачена паникой, нисколько не умаляет доблести самой армии. Наполеон говорил, что самые храбрые армии подвержены панике, так же обстоит дело и с лучшими армиями.

Итальянская армия не нуждается в защите ее доблести. В течение трех лет она выказала себя равной любой другой армии в мире по мужеству перед лицом всякого рода опасностей, поэтому не приходится делать замечаний о доблестном поведении войск. Ничто не изменилось в нашем мнении об итальянской армии. Но из всех добытых сведений явствует, что чего-то нехватало. Это касается организации и деятельности генерального штаба. В этом отношении я полагаюсь на авторитет генералов Робертсона и Фоша. Эти генералы позже всех других заявили бы об этом, если бы они не чувствовали в этом смысле себя обязанными. Среди военных существует дух товарищества, который не позволял бы им говорить подобных вещей, в особенности политическим деятелям, за исключением серьезных случаев. Нынешнее командование является неподходящим. Единственное исключение составляет герцог д'Аоста, умело и хладнокровно командовавший своей армией. По имеющимся у меня сведениям высшее командование было наравне с солдатами охвачено паникой. Мы готовы доверить наши войска доблести итальянской нации, и вера наша не уменьшилась в результате недавних событий, но, откровенно говоря, мы не могли бы доверить их нынешнему верховному командованию.

Пенлеве.—Мне почти нечего добавить к столь ясным словам г. Ллойд Джорджа. Франция готова, подобно Англии, оказать братскую помощь. Нам знакомы трудности войны, мы знаем, что такое паника. Наши войска испытали это в Шарлеруа, между тем те же войска покрыли себя славой на Марне.

Но, посылая наши войска, мы должны принять в соображение многочисленные частности: перевозки, снабжение, экипировку, зависимость от места, куда войска должны быть направлены, целый ряд определенных проблем, которые нужно разрешить в короткий срок, но наиболее важной из них является проблема командования.

В переживаемый период войны мы не можем позволить себе неудачи. Серьезное отступление по своим последствиям явилось бы бедствием, которое отразится как на войсках, так и на гражданском населении. Вопрос о командовании является вопросом перво-степенной важности. Армия, составленная из солдат трех различных наций, говорящих на трех различных языках, должна упра-

вляться твердой рукой наиболее способных к тому людей, обладающих такими качествами, как хладнокровие, молодость и т. п.

Орландо.—Благодарю от всего сердца министров союзных держав за эти столь дружественные заявления и за то, что они признали столь существенный пункт, как оказание нашими союзниками поддержки для продолжения войны; ни одного человека больше, но и не меньше. Помощь эта—временная. Я подтверждаю, что численность разбитых частей II армии превышает 300 тысяч человек. В людях нет недостатка, необходимо лишь время для их реорганизации. Солдаты II армии несколько недель назад совершали подвиги на возвышенности Байнсица. Я думаю, что переживаемая нами беда вызвана целым рядом причин. Я убежден, что в число этих причин следует включить трудную стратегическую позицию, в которой мы оказались после прорыва нашего фронта в Капоретто³ и Луико, вследствие чего большая часть II армии была отрезана, когда неприятель продвигался на левом фланге.

Ллойд Джордж.—Кто ее там поставил?

Смэтс.—Это верно. Стратегическая позиция была для вас неблагоприятна. Еще недавно II армия показала много великих примеров доблести.

Орландо.—Итальянское правительство уже признало необходимость реорганизации генерального штаба. Это было решено на последнем заседании совета министров, который возложил полномочия на меня и на Соннино вместе с военным министром*.

Мы не испытываем колебаний, но необходимо принять во внимание затруднительность таких перемен в тяжелые моменты. Однако я вновь подтверждаю, что реорганизация была решена и осуществляется. Она будет проведена с большой быстротой. Требуется разрешить две проблемы: первую—внутреннюю проблему, за которой мы, однако, признаем и внешнеполитическое значение; вторая проблема касается командования, которому должны подчиниться отныне не только итальянские войска, но и французские и английские части. Необходимо и полезно найти такие формы, которые обеспечили бы полное согласование действий и сохранили бы единство итальянского командования. Но вопрос слишком сложен, чтобы его можно было немедленно разрешить. Сюда относятся технические вопросы, относительно которых нужно действовать согласно и рассмотреть их совместно с военными. Согласен, что быстрота необходима.

* В «Дневнике войны» Биссолати имеется следующая запись, датированная 4 ноября: «Беседа <с королем>. Утром он виделся с министром Альфиери. Речь шла о замене генерала Кадорны. Назначение Цуккарни исключено... В дальнейшей части беседы он заявляет, что выбор, повидимому, падет на Диаса в качестве начальника генерального штаба и на генерала Джардино в качестве его помощника.

Смэтс.—Итак, министр Орландо согласен с нами в признании необходимости реорганизации командования и отдает себе отчет в новых взаимоотношениях, возникающих из факта оказания помощи нашими войсками. Но, кроме того, необходимо разрешить серьезную и срочную проблему реорганизации остатков II армии. К этой реорганизации необходимо приступить немедленно. Что касается требования о присылке по меньшей мере 15 дивизий, я должен заявить, что мы эту цифру не считаем необходимой. Генералы Фош и Робертсон полагают, что восьми дивизий лучших наших войск было бы достаточно для получения необходимого в настоящий момент результата. Мы полагаем, что если итальянская армия должным образом организована, она сможет удержаться на Пиаве. Главным же образом необходимо иметь помощь франко-английских войск, чтобы дать ей время собраться с силами.

Линия Пиаве—самая короткая. III армия не тронута. I и IV—целы, и восьми союзнических дивизий вместе с этими тремя армиями было бы достаточно. В Трентинской области скоро выпадет снег, и с этой стороны нечего будет опасаться удара.

Соннино.—I армия может быть атакована крупными силами в Трентино и, вероятно, будет атакована. Операции в этом месте могут происходить даже в ноябре. На эту армию вы не можете рассчитывать; между прочим она лишена резервов. Можно рассчитывать на III армию, которая, однако, нуждается в отдыхе и реорганизации, и на IV, сохранившуюся в неприкосновенности. Нельзя рассчитывать на II армию. Повторяю, у нас нет резервов. Мы не можем посылать новобранцев на первую линию, и все же мы послали туда весь призыв 1899 г. Небольшого количества дивизий было бы недостаточно. Как мне говорили, без 15 дивизий мы не сможем противостоять врагу с надеждой на успех и отразить удар, направленный против нас Австрией и Германией, которые в военных и политических целях рассчитывают усилить натиск.

Баррер.—Вопрос о числе дивизий, 15 или менее, можно было бы обсудить в присутствии военных.

Ллойд Джордж.—Согласен. Следует избегать рассматривать дважды один и тот же вопрос. Лучше обсудить его в присутствии генералов Фоша, Робертсона и Порро. Вопрос о командовании может быть лучше обсужден министрами.

Я рад заявлениям президента Орландо, но еще не вполне удовлетворен. Окажем ли мы нашу помощь с удовольствием или нехотя, это будет зависеть от доверия, которое мы питаем к верховному командованию. Если генералы Кадорна и Порро с их генеральным штабом останутся, мы не сможем сохранить это доверие. Мы должны будем в этом случае бояться, что итальянские войска на правом или на левом фланге наших дивизий могут поставить нас в затруднительное положение. Не по недостатку доблести, которую мы не оспариваем, но лишь потому, что войска могут быть поставлены командованием на невыгодные позиции. Если

итальянцы хотят, чтобы мы охотно с ними сотрудничали, они должны внимательно рассмотреть вопрос. Я понимаю сдержанность итальянцев. Политические деятели, подобно юристам, любят иногда отдалять неприятные вопросы, но я должен настаивать, чтобы этот вопрос был разрешен теперь же, иначе мне трудно будет добиться согласия британского военного кабинета на дальнейшую отправку дивизий. Маршал Хейг воспротивился бы этому. Военный кабинет подумал бы, что следует с ним согласиться, в особенности если потребуют, чтобы английские войска были поставлены под начальство генералов Кадорны и Порро, к которым он не питает доверия. Он не мог бы отделаться от мысли об опасности, которой подвергаются наши войска. Это—основной пункт, и я желал бы, чтобы он был разрешен прежде, чем пойти дальше и заслушать мнение военных.

Франклен-Буйон предлагает отложить заседание до 14 час. 30 мин., чтобы дать итальянским министрам время обсудить вопрос.

На этом и порешили.

Великолепный солнечный день. После завтрака на площади перед гостиницей множество отдыхающих. Д. говорит мне: «Ну, как же, спасаете или не спасаете вы эту Италию?»

Один из английских друзей, видя, что не принимается никаких мер охраны, и глядя на толпу итальянцев, французов, англичан, собравшихся на площади перед небольшим заливом, ничем не защищенным, восклицает: «Какая добыча для германской подводной лодки, если бы она неожиданно появилась!»

Баррер говорит мне между прочим, что по имеющимся у него сведениям одной из целей австро-германского наступления в Италии является перерыв сообщения через Италию между Францией и Англией, с одной стороны, и восточной армией—с другой, с тем чтобы развернуть энергичную кампанию на македонском фронте и восстановить на греческом троне короля Константина.

Продолжительная беседа с Хэнки во время нашей прогулки в саду отеля. Выражает мне живейшее сочувствие по поводу недавних событий. Говорит мне: «Это случайность, и у нас тоже были такие; увидите, что положение восстановится». Затем он говорит мне о новом междусоюзническом органе, который предполагают создать, и по поводу фразы Орlando относительно перемен в тяжелое время спрашивает: «Не найдете ли вы желательным назначить туда генерала Кадорну?»

Я передал это Орlando. Тот в свою очередь поговорил с Соннино. Соннино молчит; взгляд его устремлен вдаль, но, повидимому, он за радикальное решение о немедленной замене генерала Кадорны.

Конференция возобновляется в 14 час. 45 мин. Присутствуют те же, что и на утреннем заседании.

Ллойд Джордж.—Я хотел бы ознакомиться с решением итальянских министров относительно поставленного сегодня утром вопроса, которому я придаю важнейшее значение.

Орландо.—В утреннем заседании я говорил, что правительство уже вынесло решение по этому поводу и наделило полномочиями генерала Альфиери—военного министра, Соннино и меня. Оставалось только осуществить принятое решение, найти формулировку. Я могу заявить, что мы считаем ее установленной. Я слышал, что на этой конференции предложено создать Междусоюзнический военный совет. Предполагается избрать генерала Кадорну в качестве представителя Италии в этом совете. Генерал Альфиери выедет сегодня вечером для доклада королю. Таким образом, будет назначен новый начальник генерального штаба.

Ллойд Джордж.—Это влечет за собой также замену генерального штаба при генерале Кадорне?

Орландо.—Да.

Франклен-Буйон.—Очевидно, генерал Порро разделит судьбу Кадорны. Как был решен вопрос о связи между тремя генеральными штабами?

Орландо.—Разумеется, связь будет осуществляться под единым командованием.

Ллойд Джордж.—Я полагаю, что обе союзные армии должны быть представлены в итальянском командовании.

Соннино.—Разумеется, единство командования в Италии остается за начальником итальянского генерального штаба.

Ллойд Джордж и Пенлессе.—Да.

Орландо.—Надо выработать схему, которой займутся специалисты.

Ллойд Джордж.—Речь в настоящее время идет о числе и применении дополнительных войск, которые будут эвентуально посланы союзниками. Необходимо знать теперь же, с кем союзники должны вести переговоры по этому поводу. Это не может быть сделано до того, как мы узнаем о переменах, которые произойдут в итальянском верховном командовании.

Орландо.—Для этого необходимо получить предварительное согласие короля, к которому, как я говорил, сегодня же отправится генерал Альфиери. Я полагаю, что в течение двух дней все может быть урегулировано. Разумеется, тем временем дело должно храниться в абсолютной тайне.

Франклен-Буйон.—Это—ваша тайна.

Соннино.—Нам были предоставлены полномочия, но мы не можем назначить нового начальника генерального штаба без предварительного согласия и утверждения его величества; время не уходит даром. Невозможно сделать скорее. Однако уже сейчас мы заявляем, что верховное командование будет заменено новым.

Ллойд Джордж.—Мне кажется, что можно теперь пригласить генералов, чтобы поставить им несколько технических вопросов. (Входят генералы Альфиери и Порро, Робертсон и Вильсон, Фош, Вейган, де Гондрекур).

Смэтс.—Г-н Орландо говорил, что, по мысли итальянского командования, необходима присылка 15 французских и английских дивизий. Другой стороной было предложено восемь дивизий. Я думаю, что генералы Робертсон и Фош, побывавшие на местах, могут ознакомить нас со своим мнением по этому вопросу.

Робертсон.—Мне неизвестны соображения, которые были положены в основу исчисления количества необходимых войск (15 дивизий). Я полагаю, что ввиду нынешнего состояния итальянской армии и неприятельских войск восьми дивизий было бы вполне достаточно. Я отдал приказ об отправке двух английских дивизий, и вскоре будут посланы еще две дивизии. Я полагаю, что этих дивизий вместе с четырьмя французскими будет вполне достаточно для восстановления боеспособности итальянских войск, расположенных за рекой Пиаве. Я хотел бы знать, по какой причине испрашивалось 15, а не 14 или 16 дивизий? Речь идет о том, чтобы реорганизовать итальянскую армию, которая не была разбита и даже серьезно атакована. Были атакованы лишь два или три корпуса. Мы думаем послать для командования нашими четырьмя дивизиями одного из лучших наших генералов, с тем чтобы он мог ознакомиться с положением, доложить военному кабинету и затем испросить все необходимое от британского правительства.

Ллойд Джордж присоединяется к мнению Робертсона, полагающего, что итальянская армия не была разбита и что атака в смысле сражения пока не имела места.

Робертсон.—Мы не можем послать больше войск, чем это необходимо. Мое предложение не вызывает потери времени. Даже в случае желанья и возможности посылки войск на 40 или 50 тысяч человек больше, этого нельзя было бы сделать из-за затруднений, связанных с перевозкой по железным дорогам этих войск. Кроме того, англичане сами срочно нуждаются в людях ввиду происходящего в настоящее время большого сражения.

Орландо.—Я хотел бы знать, будет ли мнение английского генерала, который отправится на фронт, решающим в смысле определения размеров дальнейшей британской помощи.

Робертсон.—Генерал этот сообщит свое мнение британскому военному кабинету, который затем вынесет решение.

Соннино указывает, какую потерю времени вызовет все это: генерал должен прибыть, командовать войсками, отдать себе отчет в ситуации на фронте, составить рапорт своему правительству, а последнее должно вынести решение. После прибытия первых четырех дивизий понадобятся недели для дальнейшей отправки войск.

Робертсон.—Генерал прибудет раньше, чем его четыре дивизии достигнут места назначения.

Ллойд Джордж.—Я желал бы выслушать мнение генерала Порро.

Порро.—Эту проблему можно обсудить и вынести решение теперь же на основе имеющихся у нас данных о состоянии наших и неприятельских сил. После отхода от Тальяменто на Пиаве у нас остается на нижнем течении Пиаве почти в полной неприкосновенности III армия (100 батальонов); от Монтелло до Бренты—IV армия (127 батальонов); между долиной Бренты и озером Гарда расположено 118 батальонов I армии; от Гарда до Стельвио—32 батальона, из коих 21—в Валь Джудикарии, 8—в Карнии, 3—на Стельвио, всего 377 батальонов.

На этой хорошо укрепленной линии генерал Кадорна решил сопротивляться до последней крайности. В течение какого времени? Не знаем.

Рассмотрим теперь другую сторону вопроса. Когда 24 октября началось наступление, против нас действовали 54 австро-германские дивизии, из которых 9 германских, в общей сложности 661 батальон, из них 168—в Трентинской области и 493—в Юлианских Альпах. После 24-го числа, по полученным нами согласным сведениям, против нас было направлено от 12 до 15 свежих германских дивизий, взятых из Эльзаса, из Румынии и из внутренних областей Германии и составлявших 450 батальонов. Повидимому, войска эти будут отправлены в Трентино. Суммируя приведенные данные, следует заключить, что мы должны противостоять 318 батальонам в Трентино и 493 на Пиаве, всего 811 батальонам, нашими 377 батальонами.

Ллойд Джордж.—Какова численность германских дивизий?

Франклен-Буйон.—Генерал Порро уже ответил, что германских дивизий с подкреплениями имеется от 21 до 24, а итальянцы остаются с 377 батальонами против 811.

Робертсон.—Отмечу два обстоятельства: на основании опыта отступлений (при Монсе и первом сражении на Ипре) мне известно, что усталость отступающих войск быстро проходит. Не требуется много времени для отдыха войск. Что касается неприятельских сил, из полученных мной сегодня утром донесений видно, что было обнаружено не более шести германских дивизий на всем итальянском фронте. Может ли генерал Порро указать число германских дивизий на фронте?

Орlando.—Относительно первого замечания генерала Робертсона замечу, что на Марне у французов были кадровые войска, между тем как наша II армия таковых больше не имеет.

Ллойд Джордж.—Цифры, указанные двумя генералами относительно германских дивизий на итальянском фронте, сильно расходятся между собой. По данным генерала Порро—от 21 до 24 дивизий, по английским же сведениям—всего шесть. Наш

генеральный штаб, без сомнения, считает эту последнюю цифру правильной.

Соннино.—Вы говорите о шести «обнаруженных» дивизиях?

Вильсон.—Каково по этому поводу мнение генерала Фоша?

Фош.—Если даже допустить правильность указанной генералом Порро цифры—54 австро-германские дивизии по девяти батальонов,—возникает вопрос, каким образом была получена цифра 661 батальон? В германских или австрийских дивизиях имеется по девяти батальонов. 54, помноженные на девять, дают 486 батальонов, а не 661, как указывает генерал Порро.

Порро.—Имеются батальоны, не входящие в состав дивизий.

Фош.—Однако вряд ли цифра достигнет 661. Для наступления в ноябре у них, вероятно, было не более 500 батальонов.

Ллойд Джордж.—Каково мнение генерала Фоша относительно количества германских дивизий?

Фош.—24 октября этих дивизий было, вероятно, девять, как указывал генерал Порро, но после этой даты к нам не поступало дальнейших сведений.

Робертсон.—Я не говорю, что не могут подойти новые германские дивизии; я говорю, что по нашим сведениям в настоящее время их не более шести.

Ллойд Джордж.—Полагает ли генерал Фош, что в течение ближайших 15 дней количество германских дивизий на итальянском фронте может быть доведено до 21 или 24?

Фош.—По-моему, весьма затруднительно подвести по железной дороге это количество войск в вышеуказанный срок. Мы при двух налаженных железнодорожных линиях можем рассчитывать на 44 поездов в сутки, т. е. на перевозку не более двух дивизий в день.

Соннино.—Но, считая по две дивизии в день, за 15 дней можно перевезти более 25 дивизий.

Порро.—У нас имеются сведения о том, что между Мерано и Больцано уже имеется 55 тысяч германцев, с которыми мы еще не вошли в соприкосновение. Кроме того, в Трентино имеется уже три германские дивизии.

Робертсон.—Можете ли сообщить нам цифровые данные?

Порро.—Нет, но нам известно, что немцы перебросили много материала из Эльзаса.

Робертсон.—Мне кажется, что конференция отклоняется от основного, интересующего ее пункта.

Пункт этот заключается в следующем. Если бы мы даже хотели, мы не смогли бы доставить в Италию, притом в более короткий срок, большее количество дивизий, чем то, которое для вас предназначено. Это вызывается причинами транспортного порядка.

Соннино.—Будут ли восемь дивизий в Италии 16-го числа?

Фош.—12-го придут шесть дивизий, но снабжение и экипировка будут доставлены не раньше 20 ноября.

Соннино.—Если мы не договоримся теперь же об отправке остальных войск, это неизбежным образом вызовет задержку в прибытии их на место.

Франклен-Буйон.—Наши дивизии были отправлены в течение трех дней.

Порро.—Я хотел бы продолжать обсуждение положения.

Орlando.—Даже если определять неприятельские силы согласно преуменьшенным исчислениям генерала Фоша, остается все же значительное превосходство неприятельских сил над итальянскими.

Робертсон.—Однако если к ним присоединить восемь франко-английских дивизий (150 тысяч человек), будет достигнуто равновесие.

Соннино.—Но это равновесие нарушится, если подойдут германские войска, о которых говорилось выше.

Робертсон.—Подкрепления придут на трентинский фронт, где мы расположим наши дивизии.

Фош.—Вопрос о количестве войск является одним из моментов обсуждаемой темы, но не исчерпывает ее. Необходимо иметь в виду различие в характере наступательной войны и войны оборонительной. На Изере мы оказывали неприятелю сопротивление гораздо меньшими силами, также и при обороне Вердена. При наступлении же нам необходимы гораздо более крупные силы. В современной войне одно численное превосходство не является абсолютной гарантией успеха. Оборона имеет неоспоримые преимущества. Для преодоления такого препятствия, как Пиаве, недостаточно численного превосходства. Хорошо организованная армия может сопротивляться на этой линии силами, численно значительно уступающими атакующим. Повторяю, что на Пиаве хорошо организованная и руководимая армия, лишь бы она была должным образом снабжена, может задержать превосходящие ее силы. В современной войне оборона требует довольно значительного численного превосходства неприятеля, даже в войне на ровной местности, тем более когда речь идет о таком препятствии, как Пиаве.

Порро.—Поэтому-то мы и думаем удержать линию Пиаве. Но несомненно, что мы численно значительно уступаем противнику. На Пиаве нас атакуют 493 батальона, которым мы можем противопоставить всего лишь 200 батальонов III и IV армий. Но так как Пиаве представляет собой хорошо укрепленную линию, мы думаем отстоять ее.

Соннино.—Там имеется один слабый пункт.

Порро.—Да, против Монте́лло, так как против Монте́лло расположены высоты, на которых может быть развернуто по окружности большое количество артиллерии, но, с другой стороны, неприятель должен сначала провести дороги, в чем мы ему можем помешать, а затем вскоре наступит зима. На Пиаве мы можем

держаться. Самый слабый пункт заключается в прибытии новых германских войск в Трентино. Из Трентино могут быть развернуты наступления в разных направлениях по выбору неприятеля. В Валь Джудикарии мы можем сопротивляться, если у нас будут подкрепления, но долина реки Адидже [Эч] и плоскогорье Азиаго остаются под ударом. Плоскогорье Азиаго в течение долгого времени остается уязвимым пунктом, потому что снежный путь в этих местах устанавливается не раньше конца декабря, поэтому за линией Пиаве в нашем распоряжении должны быть резервы для маневрирования и переброски их в опасные места. С этой целью мы со временем сможем использовать остатки II армии.

Вопрос сводится к следующему—преодолеть нынешний кризис. Нам требуется временная помощь, которая даст нам возможность выиграть время для восстановления армии, действующей на равнине.

Франклен-Буйон.—Сколько времени?

Порро.—Трудно указать это с точностью, так как необходимо убедиться, в каком состоянии находятся остатки II армии. Быть может, мы сумеем создать из нее 15 дивизий, но мы не сможем сделать этого, если одновременно мы будем подвергаться атаке со стороны Азиаго. И именно ввиду этого наш премьер-министр говорил о необходимости присылки 15 дивизий.

Ллойд Джордж.—Где в настоящее время находятся рассеянные части II армии?

Порро.—За Падую. Не вся II армия дезорганизована, две дивизии продолжают еще драться. Необходимо отметить, что, если упомянутые выше 55 тысяч человек, расположенные между Мерано и Больцано, спустятся с плоскогорья Азиаго, неприятель может обойти линию Пиаве, которую мы в таком случае удержать уже не сможем.

Робертсон.—Но итальянцы все время говорили, что после октября в Трентинской области невозможно вести военные операции.

Порро.—На Азиаго снег иногда выпадает только в декабре.

Ллойд Джордж.—Помнится, когда в августе в Лондоне я просил итальянское командование повременить с итальянским наступлением на Карсо до того, как мне удастся послать туда большее количество пушек, представитель генерала Кадорны заявил, что на Карсо после 15 октября никакое наступление невозможно, а между тем австро-германцы начали свои операции 24 октября. Каким же образом германцы сумели повести наступление в такое время, когда, по мнению итальянцев, это было невозможно?

Порро.—Предпринимать наступление в зимнее время, когда необходимо преодолеть много оборонительных линий, не рекомендуется. Иначе обстоит дело с наступлением из Трентино,

так как там имеется не много укрепленных линий и равнина находится в непосредственной близости.

Ллойд Джордж настаивает на своем замечании.

Порро.—Тут недоразумение. В Лондоне тогда говорилось о серьезном наступлении, план которого был разработан генералом Кадорной и которое развивалось в направлении высот Карсо, а не о наступлении с непосредственным выходом на равнину.

Соннино.—Все это относится к прошлому и представляет чисто исторический интерес. Обстоятельства, связанные с временем года, могут изменяться. Нужно выяснить, возможно ли и представляет ли серьезную опасность наступление на плоскогорье Азиаго также и зимой.

Ллойд Джордж.—У нас просят 15 дивизий те, кто считает возможным наступление в декабре. Но то же командование несколько месяцев назад заявляло нам о невозможности наступления в декабре. Отвечая генералу Порро, замечу, что я имею в виду нынешнее наступление. Когда мы предложили оказать помощь итальянской армии, нам отвечали, что после 15 октября ничего невозможно сделать. Обращаю внимание на нижеприведенный протокол совещания, состоявшегося в Лондоне днем 7 августа:

«Г-н Ллойд Джордж спрашивает, каков крайний срок эффективного наступления на возвышенности Карсо. Генерал Альбриччи ответил, что таким сроком является конец августа и что позднее этого срока наступление придется отложить до конца весны, скажем, до 15 мая. Для обеспечения эффективности наступления потребуется миллион орудийных выстрелов. В настоящее время Италия производила или покупала лишь полмиллиона выстрелов в месяц. Климатические условия на Карсо в период неблагоприятной погоды, которая могла вскоре наступить, делали невозможным ведение операций, в особенности потому, что для обеспечения успеха наступления оно должно было вестись на всем протяжении фронта от Изонцо до моря...

Г-н Ллойд Джордж спрашивал, возможно ли при условии доставки в Италию 400 тяжелых орудий с обильным снаряжением предпринять итальянское наступление в октябре. Генерал Альбриччи ответил, что проведение операции в широком масштабе было бы невозможно, хотя предварительные операции могли бы быть успешно выполнены...

Г-н Ллойд Джордж заметил, что в сентябре метеорологические условия на Карсо вообще удовлетворительны, но генерал Альбриччи ответил, что подготовка зашла уже слишком далеко, для того чтобы можно было ее отсрочить, и что риск, связанный с дождливой погодой, был слишком велик».

Соннино.—Я признаю, что сказанное г. Ллойд Джорджем исторически верно. Однако я вспоминаю, что в августе и после наступления в Байнсице французы и англичане предложили несколько тяжелых батарей. Орудия были посланы. Но уже после их прибытия генерал Кадорна, предвидя неприятельское наступление, отменил наступление итальянской армии. Все это свидетельствует о том, что мнение о возможности наступления даже после августа не было окончательным.

Но нас в настоящее время интересует другой вопрос. Немцы сильно приблизились к итальянскому фронту со стороны Мерано и Больцано; если погода будет благоприятствовать, что вполне

возможно, и немцы спустятся с высот, мы не сможем противопоставить им достаточно резервов.

Ллойд Дэжордж.—Это показывает, что итальянский генеральный штаб изменил свою точку зрения. Когда было получено известие об этой концентрации германских войск в районе Мерано?

Порро.—Сведения поступали к нам из разных источников. Последнее относится к 4 ноября. В нем сообщается, что в меранской зоне расположено 80 тысяч человек с тяжелой артиллерией.

Франклен-Буйон.—Когда же германцы и австрийцы могли бы начать наступление на Пиаве?

Порро.—Через несколько дней. Неприятель сейчас находится на Тальяменто. Через три перехода он может уже оказаться на Пиаве, но нами там уже поставлено 240 тяжелых орудий и произведены оборонительные работы. Неприятель не сможет начать наступление раньше чем через три недели, а для наступления большого масштаба ему потребуется два месяца, так как он должен будет продвинуть вперед тяжелую артиллерию, а это не может быть сделано раньше чем через месяц или полтора, так как мы разрушили все мосты на их пути.

Фош.—По имеющимся в моем распоряжении сведениям разрушение мостов не было доведено до конца.

Порро.—Мы взорвали 14 мостов на Изонцо и вызвали наводнение в районе нижнего течения Изонцо, через который ни одной колонне не удалось еще пройти. На Тальяменто мы взорвали семь мостов, которые были полностью разрушены, за исключением одного, взорвавшегося на протяжении всего 20 метров.

Франклен-Буйон.—Были ли взорваны железнодорожные пути? Например, линия, идущая из Удине? А мосты через Ливенцу?

Порро.—Было сделано все возможное. Железная дорога на Удине уцелела.

Орlando.—Я представляю собой зрителя, быть может, образованного и, надеюсь, понятливого. Вынесены решения, с которыми всякий согласен. Можно вывести заключение, что итальянские военные силы с помощью французов смогут удержать Трентино и Джудикарию. Никто не говорит, что фронт этот не может быть удержан, но никто не говорит также, что там имеется лишняя дивизия. Недостаток, впрочем, ощущается в резерве или маневренной армии для противодействия наступлению на плоскогорье Азиаго. Я имею обыкновение думать так, как по моему представлению должен думать мой противник, и, однако, я полагаю, что мы должны быть уверены, что немцы будут стремиться покончить с Италией, с тем чтобы повести наступление в других местах. На итальянском фронте, возможно, будет решен исход войны. Было бы безумием думать, что они не захотят попытаться счастья. В этом случае недостаток резервов на нашем фронте оказался бы роковым. Вы полагаете, что четырех английских дивизий было бы достаточно для достижения целей, к которым мы стремимся?

Соннино.—Опасность настолько близка, что неприятель после одного только перехода может оказаться на равнине и обойти линию Пиаве.

Ллойд Джордж.—Куда вы поставите английские дивизии?

Порро.—В районе Тревизо.

Франклен-Буйон.—Но это не означает расставить их по линии Пиаве?

Порро.—Нет, это будет маневренная масса. Будет ли четыре или больше дивизий, мы будем стараться расставить их вокруг Тревизо, Читтаделла и Монтебеллуна.

Робертсон.—Я обсуждаю с генералом Кадорной вопрос, куда направить наши дивизии, которые по решению военного кабинета должны отправиться в Лоди.

Альфieri.—Надо послать их к Кафельфранко и Читтаделлу. Я согласен с высказанным здесь мнением, что итальянская армия не была разбита, но следует принять меры к тому, чтобы этого не случилось.

Ллойд Джордж.—Нет необходимости сегодня же выносить решение относительно места концентрации наших дивизий. Нужно, чтобы английское и французское правительства договорились между собой. Но раньше я хотел бы задать несколько вопросов. Точны ли цифры доставшихся неприятелю пленных и орудий, приводимые в австрийских и германских сводках? В них говорится о 180 тысячах пленных и 1 800 пушках.

Порро.—Цифры, касающиеся пленных, приблизительно верны. В отношении числа пушек цифры эти, быть может, правильны, но могут быть даже ниже действительных их размеров.

Франклен-Буйон.—Входят ли в число этих 1 800 орудий траншейные орудия? Какова численность пушек? Сколько орудий было во II армии?

Порро.—Во II армии было 2 500 орудий, не считая траншейных орудий. Возможно, что неприятель, не закончив подсчета взятых орудий, не знает точного их числа.

Ллойд Джордж.—Сколько орудий имеется в настоящее время в итальянской армии?

Порро.—III армия из имевшихся 1 114 орудий потеряла 281, и у нее остается, следовательно, 833 орудия, но необходимо иметь в виду, что потерянные ею 281 орудия были почти целиком крупного и среднего калибра. Из бывших в III армии 602 орудий среднего и крупного калибра осталось за вычетом потерь 333 орудия. Можно сказать, что армия эта потеряла почти 50% тяжелых и четверть остального количества орудий. У меня пока не имеется данных о числе уцелевших во II армии пушек.

Как я уже упоминал, у нас на Пиаве имеется 240 орудий крупного и среднего калибра. Мы могли бы присоединить к ним еще 550 орудий крупного калибра, и, быть может, мы доведем число орудий до тысячи на участке в 45 километров.

Ллойд Джордж.—Но если немцы подвезут свои тяжелые орудия к захваченным ими пушкам, сможете ли вы удержаться?

Порро.—Им будет нелегко использовать попавшие в их руки орудия, так как они были нами по мере возможности приведены в негодность. Следует иметь в виду, что наша полевая артиллерия весьма пригодна для оборонительных целей.

Ллойд Джордж.—Но не может ли германская тяжелая артиллерия уничтожить вашу полевую артиллерию? По словам генерала Порро, вам придется иметь дело с противником, численность которого вдвое превышает состав вашей армии и артиллерия которого, в значительной своей части состоящая из тяжелых орудий, сохранившихся в целости и увеличившихся в числе, вдвое и более чем вдвое превосходит вашу артиллерию. Сможете ли вы удержать линию Пиаве?

Порро.—Да, в силу высказанных генералом Фошем соображений, касающихся особенностей обороны.

Робертсон.—Имеются ли на Пиаве французские и английские орудия?

Порро.—Да. 11 английских батарей; 5 из них—в Местре, 6—в Тревибио.

Робертсон.—А французские?

Порро.—Было 60 орудий, из коих уцелело несколько единиц. Заседание прервано в 18 часов.

Состоялось отдельное совещание французов и англичан.

Орландо пребывает в тревожном нервном ожидании решения, которое будет ими вынесено на этом совещании.

Заседание возобновилось в 19 часов.

Присутствуют те же, за исключением генерала Альфиери, выехавшего к королю.

Ллойд Джордж (очень мрачно).—Мы совещались с нашими французскими коллегами о том, какие меры следует нам принять в настоящий момент в целях оказания помощи Италии. Само собой разумеется, что мы готовы действовать возможно лучше. Предложения и цифры, сообщенные генералом Порро, создают у меня впечатление, что положение на итальянском фронте гораздо серьезнее, чем мы предполагаем. Против итальянских войск на Пиаве стоит вдвое превосходящая их по численности неприятельская армия, снабженная главным образом тяжелой артиллерией, в количестве, более чем вдвое превышающем итальянскую. Я считаю такое положение крайне серьезным. Если бы немецкие войска когда-либо оказались перед лицом французов и англичан в столь значительно уступающем им положении, последние не преминули бы, разумеется, немедленно этим обстоятельством воспользоваться. Если Италию постигнет катастрофа и если, несмотря

на их доблесть, итальянцы не смогут удержать за собой линию Пиавы, можно будет сказать, что никакие успехи во Франции не в состоянии будут компенсировать это бедствие.

Орlando.—Совершенно верно.

Пенлеве.—Это—военная истина.

Ллойд Джордж.—Поэтому французское и английское правительства принимают принципиальное заявление, сделанное сегодня утром премьером Орlando, почти в собственной же его формулировке, т. е. что необходимо сделать все возможное и что сделать менее необходимого было бы хуже, чем не сделать ничего. Но что следует разуметь под необходимым? Я как верный выразитель чувств английского правительства, совпадающих с чувствами правительства французского, нисколько не намерен торговаться из-за одной дивизии или батареи. Положение не допускает этого. Речь идет о спасении Антанты от бедствия, превосходящего по своим размерам нынешнюю катастрофу. В этом смысле мы и подходим к разрешению проблемы. Необходимо прежде всего точно ознакомиться с фактами, чего до сих пор не было сделано. Мы были изумлены расхождением между фактами, известными нам по имеющейся у нас информации, и фактами, изложенными генералом Порро. Я боюсь, что эти последние, к сожалению, истинны. Во всяком случае не приходится предполагать обратного. Положение требует быстрого решения, между тем нам необходимо выяснить его. Мы согласились учредить Постоянный междусоюзнический военный комитет, куда итальянское правительство выразило желание назначить генерала Кадорну. Мы назначили генерала Вильсона, а французское правительство—генерала Фоша. Они могут войти в связь с командующим итальянской армией для выяснения положения, после чего итальянское правительство и правительства союзников смогут вынести свои решения. Все, что необходимо для спасения Италии, будет сделано. Нас, однако, ставит в затруднение то обстоятельство, что для перевозки войск в нашем распоряжении имеются всего две железнодорожные линии, и, следовательно, для доставки подкреплений потребуются некоторое время. Дивизии, которые мы уже решили послать, прибудут к 20-му числу; к тому времени положение выяснится и дальнейшие решения правительства будут известны. Мы надеемся, что Италия сделает тем временем все возможное. Я помню, как поступила Франция, когда неприятель был в 20 милях от Парижа. Надо послать на фронт возможно больше вооруженных людей, набрать их решительно отовсюду. Мы говорим об этом не потому, что оказываем Италии какое-то одолжение, а потому, что нас связывает с ней полная и совершенная общность интересов: интересы Италии—наши интересы.

Пенлеве.—Слова г. Ллойда Джорджа в точности выражают точку зрения французского правительства.

Тем не менее я хотел бы собственными словами их подтвердить.

От имени французского правительства я заявляю, что, побуждаемый братскими чувствами, я прибыл сюда для оказания помощи нашему союзнику в минуту опасности. Ни одному ответственному лицу моей страны не может прийти в голову мысль торговаться о том, что именно следует делать в данных обстоятельствах. Придя к власти, я заявил о необходимости объединения западного фронта. Это пришлось делать в разгар бури. Как француз и как премьер-министр я не могу забыть тех выгод, которые были принесены Франции нейтралитетом, объявленным Италией в 1914 г., благодаря которому мы смогли снять войска с итальянского фронта и использовать их там, где они были более необходимы. Затем Италия пожелала свободно и добровольно броситься в огонь войны. Теперь мы должны идти рядом с ней и, в еще более тесной связи с ней, объединить наши военные ресурсы для их организации и распределения. Мы здесь выступаем в качестве истинных братьев по оружию, побуждаемые желанием выработать лучший план действий. С этой мыслью мы вводим в действие только что сконституированный Междусоюзнический комитет. Три представителя—французский, английский и итальянский—изложат точную картину положения, и правительства на основе полного равенства решат, как действовать. Мои слова соответствуют словам г. Ллойд Джорджа, но я счел нужным лично вновь выразить чувства, связывающие союзников с Италией в нашем общем деле, которое, несмотря на жестокие испытания, завершится, мы верим, общей победой.

Орlando.—Приношу глубокую благодарность гг. Ллойд Джорджу и Пенлеве за их благородные заявления. Я не буду пытаться передать словами испытываемые мной чувства. Если бы чувствам соответствовали средства, мы уже имели бы победу. Сегодня принесение в жертву моей страны не принесло бы, разумеется, пользы общему делу. Ни я, ни мой коллега Соннино никогда не сомневались в чувствах наших союзников. Я нахожу правильным замечание г. Ллойд Джорджа о необходимости изучения положения в его деталях. Я не возражаю против его предложения поручить комитету, который теперь приступает к отправлению своих функций, точно определить нужды. Необходимо быстро действовать, но я признаю, что так как восемь дивизий не могут прибыть раньше 20-го числа, остается достаточно времени для того, чтобы составить себе представление о положении и вынести соответствующее решение.

Ллойд Джордж.—Быстрота решения зависит, главным образом, от итальянского правительства.

Орlando.—Согласен, все возможное будет сделано для обеспечения максимальной быстроты действий.

Порро.—Документы для справок находятся в Падуе.

Орlando.—В самом скором времени будет составлен военный проект. В наших интересах получить его возможно скорее.

Порро.—Но тем временем английские дивизии могли бы быть продвинуты вперед, подобно французским дивизиям. Английские дивизии направляются в Павию, в 400 километрах от фронта, французские же находятся ближе.

Франклен-Буйон.—Это—вопрос, который можно урегулировать.

Орlando.—Я поручу немедленно генералу Кадорне войти в состав этого Междусоюзнического комитета и оказать ему содействие в расследовании обстоятельств. Так как комитет является органом совещательным, то заключения его будут чисто консультативными. Это—вдвойне консультативный орган как по своей сущности, так и по выполняемым им в настоящее время функциям.

Ллойд Джордж.—Мне казалось бы необходимым, чтобы представитель каждого правительства принял участие, на основе сказанного до настоящего времени, в составлении протокола, который должен служить инструкцией генералу Кадорне. Делегатам должна быть предоставлена возможность ознакомиться с положением.

Приношу благодарность генералу Порро за указание, относящееся к документам, находящимся в Падуе, но считаю необходимым, чтобы на фронте были изучены все остальные документы—материальные и человеческие.

Соннино.—Я хотел бы знать, в каком именно смысле предполагается редактировать указанный г. Ллойд Джорджем документ, который должен быть передан органу, до настоящего дня еще не сконституированному.

Ллойд Джордж.—Здесь у меня имеется наспех заготовленная Хэнки схема, которую я, с вашего разрешения, зачитаю:

«Междусоюзнический верховный совет, собравшись в Рапалло, поручает своим военным консультантам немедленно доложить о нынешнем положении на итальянском фронте. Их первой задачей будет установление по согласованию с итальянским верховным командованием фактов, касающихся нынешнего и дальнейшего состояния сил итальянской и неприятельской армий. На основании добытых таким образом данных и общего обзора военного положения на всех фронтах Междусоюзнический комитет военных экспертов внесет свои предложения, касающиеся существа и размеров подкреплений, которые должны быть посланы на итальянский фронт французским и английским правительствами, равно как и предложение о месте концентрации названных подкреплений.

Итальянское правительство берет на себя обязательство преподавать итальянскому верховному командованию инструкции об оказании содействия Междусоюзническому военному комитету в получении всевозможных льгот как в отношении предоставления документальной информации, так и в отношении личных посещений фронта».

Орlando.—Не будет ли целесообразным вынести постановление о создании Междусоюзнического правительственного совета, прежде чем выносить решения, относящиеся к его действиям?

Франклен-Буйон.—Это—вопрос формы, но мне кажется, что, так как мы в основном согласны насчет учреждения совета союзных правительств и так как здесь присутствуют лица, которые

примут в нем участие, т. е. премьер-министры и один член правительства, мы можем считать, что завтрашнее совещание явится заседанием этого Междусоюзнического совета, который утвердит пункты его статута и в качестве первого своего акта поручит исследование положения на итальянском фронте Междусоюзническому постоянному военному комитету, о создании которого также достигнуто соглашение.

Заседание закрывается.

* * *

До- и послеобеденное время Орlando проводит в непрерывной работе, диктуя телеграммы. Их так много, с указанием «срочности» и «абсолютной внеочередности», что ввиду затруднительного положения телеграфных служащих Орlando придумывает для одной из них следующее указание:

«Внеочереднейшая из внеочередных».

* * *

Рапалло, среда, 7 ноября.

До начала сегодняшнего утреннего заседания премьер-министром была передана франко-английская схема постановления об учреждении Высшего военного совета. Этим вопросом с некоторых пор уже занимались французы и англичане, а в последнее время вместе с Ллойд Джорджем во время недавнего его пребывания в Лондоне также и Пенлеве.

Заседание открывается в 11 часов.

Присутствуют участники вчерашнего дневного заседания за исключением генерала Порро, выехавшего сегодня утром на фронт.

Пенлеве.—Французское правительство и парламент давно выражали желание более тесно координировать действия союзников. Мы в настоящее время пытаемся осуществить это более тесное сотрудничество на началах совершенного равенства, предлагая учредить Междусоюзнический военный совет с совещательным комитетом в составе представителей генеральных штабов. Если мы по географическим соображениям указали в качестве местопребывания этого совета Париж, то это нисколько не исключает того, что в особых случаях резиденция совета может быть перенесена в другое место, если обстоятельства того потребуют, как это, например, имеет место в настоящее время с нашей конференцией, происходящей в Рапалло. Еще в феврале и марте текущего года междусоюзнический парламент⁴ голосовал за образование Междусоюзнического военного бюро. Во время бесед между представителями французского и британского правительств, имевших место в истекшем октябре, был обсужден способ достижения эффективного соглашения. Было предложено делегировать двух членов от каждого правительства для вхождения в состав этого совета. 10 дней назад г. Ллойд Джордж ознакомил нас со

схемой, которая была в основных чертах одобрена французским правительством за исключением нескольких легких изменений. Этот постоянный генеральный штаб имеет в своем распоряжении всю информацию союзных армий. Он является органом информации, исследования, предложений; им составляются планы коалиции союзников, общие планы, приуроченные к ресурсам каждой страны. Французское и английское правительства согласны также в отношении деталей. Я не сомневаюсь, что мы получим согласие Италии. Итальянские события являются новым доказательством нужности совета, который, я надеюсь, окажется жизненным органом, оружием будущей победы. Представленная схема получила вчера вечером одобрение генерала Смэтса и министра Франклен-Буйона.

Орландо.—Итальянское правительство вполне разделяет общую идею, которая должна обеспечить единство руководства войной. Речь идет не о комиссиях, предназначенных терять время. Дело заключается в установлении контакта между лицами, наделенными необходимыми полномочиями для принятия эффективных мер. Я уже рассмотрел вместе с коллегой Соннино представленную нам схему; мы согласны в общем и в деталях.

* * *

Совещание переходит к рассмотрению отдельных статей схемы.
Статья 1:

Соннино.—Статья 1 в представленной нам редакции предоставляет России право принять участие в Совете, если она того пожелает. Необходимо глядеть в лицо фактам. Можем ли мы при нынешних обстоятельствах довериться русскому правительству? Керенский дает опасные интервью, и так же поступает русский военный министр. Опровержения недостаточно категоричны. Можем ли мы вырабатывать военные планы в присутствии, например, делегата от Советов?

Орландо.—Единство фронта может оправдать внесение в текст ограничения, говорящего о западном фронте: таким образом, будут включены Соединенные штаты и молчаливо исключена Россия.

Ллойд Джордж.—Должен уведомить, что ввиду важности участия Соединенных штатов я послал недавно президенту Вильсону личное письмо, в котором спрашивал его мнение относительно некоторых вопросов в соответствии с этой схемой. Вильсон телеграфно известил меня, что в общем он согласен, но что он не может приступить к обсуждению деталей до приезда полковника Хауза в Европу. Обращаю ваше внимание на тот факт, что было бы опасно учреждать междусоюзнический орган без участия России. Необходимо действовать с большим тактом, приведя какой-либо мотив, полностью нас оправдывающий. Мы могли бы, например, сослаться на ситуацию в Италии или на географическое

положение России и заявить об этом в нашем регламенте. Предлагаю изменить текст статьи 1 следующим образом:

«Ввиду того, что создавшееся на западном фронте в Европе положение вызывает необходимость учреждения Высшего совета...»

Франклен-Буйон.—Мы не можем включать объяснения в статьи регламента. Мы можем сообщить эти объяснения России дипломатическим путем, передав ей текст.

Баррер отмечает практическую невозможность для России послать в Совет своего премьер-министра или министра иностранных дел.

Фоиш.—Мы можем сослаться на неотложную необходимость установления единства действий на западном фронте.

Ллойд Джордж.—Повторяю, надо действовать с крайней осторожностью. Мы можем воспользоваться этим доводом и мотивировать создание Совета в следующей форме: «Ввиду того, что на западном фронте...»

Смэтс.—Можно было бы добавить: «Положение в Италии».

Соннино.—Это не получило бы одобрения в Италии. Можно было бы поставить: «В целях большей координации военных действий на западном фронте».

Ллойд Джордж.—Имеются ли при этом в виду Салоники?

Франклен-Буйон.—Да, имеются.

Смэтс.—Я считаю, что крайне важно не задевать Россию. Она ищет случая выйти из Антанты. Исключение России из состава Совета могло бы послужить ей подходящим поводом. Быть может, в статье, в которой говорится об учреждении Совета, можно было бы добавить фразу: «Предполагается расширить его задачи».

Франклен-Буйон.—Предложение генерала Смэтса представляется мне еще более опасным: русские не имеют причин обижаться, если говорится о западном фронте; если же вслед за включением вышеупомянутой фразы не пригласить их к участию в Совете, они могли бы иметь основание обидеться.

Смэтс.—Статью можно было бы начать следующим образом: «Ввиду установления на западном фронте такого положения, которое требует, чтобы...»

Фоиш.—Не вижу необходимости ссылаться на прошлое. Я согласен с формулой, предложенной бароном Соннино.

Смэтс настаивает на своей формулировке.

Орандо.—Не следует создавать впечатления, что Совет был учрежден в связи с положением в Италии, так как это могло бы быть истолковано в смысле ограничения задач Совета.

Франклен-Буйон.—Можно было бы принять также следующую формулировку: «В целях лучшей координации действий на западном фронте учреждается Высший совет в составе...»

Ллойд Джордж.—Видите, как чувствительны итальянцы. Русские не менее чувствительны. Вы полагаете, что они не

знают о том, что мы им не доверяем? Керенский скажет: «Здесь мы имеем дело с федерацией, в которой отсутствует Россия». Мы должны действовать, не закрывая дверей. Если же русские потребуют вхождения в Совет, мы можем отговориться ссылкой на положение, занимаемое лицами, которых мы назначили представлять наши нации в Совете. Русские—великий народ, они могут еще изменить направление политики своей страны в условиях республиканского режима или при правительстве, соответствующем идеалам Соннино.

Соннино.—Я желаю только такую Россию, которая сражается.

Франклен-Буйон.—Возвращаюсь к предложению о посылке русским схемы вместе с дипломатическими разъяснениями.

Ллойд Джордж.—Это представляет некоторую опасность. Россия узнает о документе и подвергнет его обсуждению, не зная разъяснений или же пренебрегая ими. Предлагаю добавить к статье 1 следующую фразу: «Предусматривается распространение деятельности Совета на другие фронты».

Необходимо иметь в виду, что, оставляя, таким образом, открытые двери, мы открываем доступ стремлениям малых государств.

Пенлеве.—В регламенте говорится только о великих державах. Не предусматривается, например, Бельгия, которая также имела бы право принять участие в Совете в качестве заинтересованной на западном фронте стороны.

Франклен-Буйон.—При этой формулировке мы завтра получим телеграмму из Петрограда.

Ллойд Джордж.—Мы ответим, чтобы они послали русского премьер-министра и военного представителя, по своему положению соответствующего английскому, французскому и итальянскому представителям.

Франклен-Буйон.—Вы допускаете возможность обсуждения выбора их делегата.

Соннино.—Керенский скажет: «Я подумаю после, а пока пошлю моего представителя».

Орландо.—Можно вначале поставить фразу: «В целях согласования действий на западном фронте», добавив затем в конце: «Предполагается поступить таким же образом и в отношении других фронтов». Замечу, что в число исключенных великих держав входят Япония и Китай.

Сметс.—Можно было бы поставить: «Расширение целей Совета предусматривается».

Баррер.—«Предусмотрено».

Пенлеве.—«Будет предусмотрено».

Соннино.—Надо рискнуть на что-либо одно: или допустить Скобелева, или избрать более общую формулу.

Ллойд Джордж.—Можно было бы принять следующую формулировку: «Распространение деятельности Совета на другие фронты явится предметом обсуждения с другими державами».

Соннино.—Этим мы исключаем салоникский фронт из круга нынешней компетенции Совета.

Франклен-Буйон.—Нет. Итак, статья 1 может, повидимому, быть отредактирована следующим образом: «В целях лучшей координации военных действий на западном фронте учреждается Высший военный совет в составе премьер-министра и одного из членов правительства каждой из великих держав, армии которых сражаются на названном фронте. Вопрос о распространении деятельности Совета на другие фронты явится предметом дипломатического обсуждения с другими великими державами».

Статья 1 в этой формулировке утверждается.

Франклен-Буйон.—Не думаю, чтобы имелись какие-либо возражения по остальным статьям.

Соннино.—Мне все же кажется, что их следовало бы вновь зачитать.

Орlando.—Можно было бы решить, не следует ли теперь же договориться о том, чтобы, кроме премьер-министра, другой член правительства, делегированный в Совет, являлся бессменным одним и тем же лицом.

Ллойд Джордж.—Это будет зависеть от поставленных на обсуждение вопросов. Иной раз, быть может, понадобится специалист, но я признаю, что смена ординарного делегата, возможно, будет связана с некоторыми неудобствами.

Франклен-Буйон.—Во Франции никакого решения по этому поводу мы не выносили, но считаем, что фактически делегатом будет оставаться одно и то же лицо.

Соннино.—Во Франции иное положение; замечание министра Орlando может специально относиться к России.

Орlando.—Обсуждение вопроса можно отложить.

(Решено, что пока каждое правительство даст этому вопросу наилучшее по его мнению истолкование.)

Статья 5.

Ллойд Джордж.—Следовало бы постановить, чтобы военный представитель правительства в постоянном совещательном военном комитете не выполнял никаких других функций по генеральному штабу.

Баррер.—К чему ограничивать свободу действий правительств?

Франклен-Буйон.—Я разделяю мнение г. Ллойд Джорджа.

Орlando.—Если имеется соглашение, то незачем, быть может, упоминать об этом.

Пенлеве.—Согласен с г. Орlando.

Соннино.—Соглашение это—личного характера, оно не включено в соответствующие акты.

Пенлеве.—Имеется, однако, протокол.

Соннино.—Отчего не заявить об этом открыто?

Пенлеве.—Можно было бы сказать: «...функции которого будут

заключаться только в выполнении обязанностей эксперта Совета».

Это предложение принимается.

Фош.—Моя позиция, однако, отличается от точки зрения генерала Вильсона и генерала Кадорны. Ввиду того что военные представители будут находиться в Париже, я неизбежным образом окажусь в более тесном контакте с военным министерством, нежели с моими коллегами.

Ллойд Джордж.—Я хотел бы, чтобы генерал Фош принял в соображение то обстоятельство, что в своем новом качестве он явится советником не только французского, но и английского и итальянского правительств. Необходимо поэтому обеспечить ему полную независимость в вынесении суждений. Со своей стороны, мне было бы весьма жаль думать, что генерал Фош не является советником британского правительства в той же мере, как правительства французского.

Статья 8.

Ллойд Джордж.—Париж географически является, несомненно, наиболее подходящим местом, однако Совет есть учреждение междусоюзническое и должен казаться таковым. Я считал бы поэтому необходимым, чтобы резиденция Совета находилась вне Парижа, хотя бы и недалеко от него, например в Шантильи или в Версале.

Пенлеве.—Мне кажется, что это будет неудобно. Этим будет осложнено функционирование генеральных штабов, так как согласованность в работе как для французов, так и для иностранцев гораздо легче осуществима в Париже, чем где-либо в другом месте.

Франклен-Буйон.—Я просил бы г. Ллойд Джорджа не настаивать.

Ллойд Джордж.—Скажу вам откровенно: если Совет будет находиться в Париже, невозможно будет избежать подозрения в том, что он является эманацией французского правительства. Мне не хотелось бы, чтобы деятельность этого Совета началась с ошибочного мероприятия, могущего оказаться вредным. Пребывание вне Парижа не будет для вас более неудобным, чем для нас. Для того чтобы это учреждение могло успешно выполнять свою работу, необходимо, чтобы оно было и казалось абсолютно независимым.

Пенлеве.—Мне кажется, что Париж больше любого другого города может обеспечить наилучшие условия для концентрации и быстроты работы. В Париже находятся посольства, телеграфное обслуживание лучше поставлено и т. д. На Париже я настаиваю не в качестве француза, выбор этот диктуется интересами самой работы Совета. Г-н Ллойд Джордж задал вопрос, не подвергнется ли Совет, находясь в Париже, каким-либо влияниям. По моему мнению, нежелательные влияния, если таковые могут иметь место, могли бы дать себя почувствовать не только в Париже, но и в Версале.

Ллойд Джордж.—Подозрение относительно независимости какого-либо учреждения было бы равносильно допущению, что оно в действительности не является независимым.

Соннино.—Полагаю, что если послы будут находиться поблизости от Совета, то это будет означать для него большую независимость.

Ллойд Джордж.—Замечу, что в течение 18 месяцев французское командование находилось в Шантильи.

Франклен-Буйон.—Я также считаю, что какие-либо нежелательные влияния сказались бы сильнее в Версале или Шантильи, чем в Париже.

Вильсон.—Я абсолютно против выбора Парижа в качестве резиденции, так как в Париже труднее сконцентрировать работу различных органов учреждения. Было бы весьма затруднительно для меня вылавливать офицеров, которые легко втянулись бы в слишком многочисленные развлечения.

Пенлеве.—Думаю, что в Париже, более чем в другом месте, имеются все возможности для согласованной работы.

Объявляется перерыв.

После завтрака французы отправляются посетить замок, в котором, по преданию, находился в заключении Франциск I, брошенный туда тотчас же после битвы при Павии⁵.

Ллойд Джордж обнаружил в Рапалло статую Христофора Колумба и, не зная о монументальной, которой одно время была одержима Третья Италия⁶, сказал мне: «Я не знал, что Колумб родился в Рапалло».

Заседание открывается в 17 час. 30 мин. Участвуют те же, что и утром, за исключением Орlando, выехавшего в штаб верховного командования.

Ллойд Джордж.—Я совещался с остальными членами британской делегации; они продолжают думать, что необходимо избрать резиденцию Совета вне Парижа. Как бы я ни желал пойти навстречу предложению французского правительства, тем более что Париж пользуется благосклонностью и барона Соннино, я не чувствую себя в состоянии сделать это. Совет должен быть и казаться независимым. Я частным образом беседовал с г. Пенлеве относительно того, какое место вне Парижа предпочитало бы избрать французское правительство. Он упомянул о Версале. Помня, что Германская империя была основана в Версале⁷, я высказываю пожелание, чтобы прусский деспотизм был низвержен в том же самом Версале.

Пенлеве.—Я не отвергаю предложения, хотя лично думаю, что Париж является местом более подходящим, чем Версаль. Однако, уступая настояниям, я принимаю предложение о Версале.

Франклен-Буйон.—Необходимо, чтобы работа эта началась в условиях полного единодушия, ни в коем случае не распылялась

на обсуждение незначительных тем, в то время когда на рассмотрении находятся другие столь важные дела.

Ллойд Джордж благодарит Пенлеве.

Присутствующие знакомятся с текстом документов, в которых содержатся принятые решения. Ниже приводится содержание этих документов.

I

Представители британского, французского и итальянского правительств, собравшиеся в Рапалло 7 ноября 1917 г., утвердили схему организации Военного совета, с участием постоянного военного представителя, о котором говорится в следующем параграфе.

II

1) В целях лучшей координации военных действий на западном фронте создается Высший военный совет в составе премьер-министра и одного члена правительства каждой из великих держав, армии которых сражаются на упомянутом фронте. Распространение целей Совета на другие фронты оставляется для обсуждения с другими великими державами.

2) На Высший военный совет возлагается задача следить за общим ведением войны. Он разрабатывает предложения, утверждаемые правительствами, осведомляется об их выполнении и докладывает об этом соответствующим правительствам.

3) Генеральный штаб и военное командование армии каждой страны, на которых возложено ведение военных операций, остаются ответственными перед соответствующим правительством.

4) Общие планы войны, разработанные компетентными военными властями, передаются на утверждение Высшего военного совета, который под высоким руководством правительств обеспечивает их согласование и вносит в случае надобности необходимые изменения.

5) Каждая держава делегирует в Высший военный совет постоянного военного представителя, функции которого состоят исключительно в выполнении обязанностей технического консультанта Совета.

6) Военные представители получают от правительства и компетентных военных властей своей страны все предложения, информацию и документы, относящиеся к ведению войны.

7) Военные представители следят день за днем за состоянием сил и всякого рода средств, коими располагают союзные армии, и за состоянием неприятельских сил.

8) Высший военный совет обычно собирается в Версале, где имеют пребывание постоянные военные представители и их штабы. Совет может собираться и в других местах в соответствии с обстоятельствами. Совещания Высшего военного совета будут происходить не менее одного раза в месяце

III

Постоянными военными представителями назначаются нижеследующие лица:

от Франции—генерал Фош,
от Великобритании—генерал Вильсон,
от Италии—генерал Кадорна.

Франклен-Буйон.—Необходимо установить, что может быть одновременно сообщено публиче.

Соннино уведомляет, что итальянская палата депутатов откроется, вероятно, в понедельник, и предлагает отложить реше-

ние на завтра. Но в общем он был бы согласен, чтобы сообщение было сделано в понедельник.

Ллойд Джордж и *Франклен-Буйон* выражают согласие от имени соответствующих правительств.

Соннино зачитывает текст инструкций союзному военному совету, касающихся изучения положения на итальянском фронте:

1. Высший военный совет, собравшись в Рапалло 7 ноября 1917 г., поручает своим постоянным военным представителям немедленно доложить о нынешнем положении на итальянском фронте. По согласованию с итальянским генеральным штабом они должны изучить существующее положение вещей и в общем обзоре военной ситуации на всех театрах войны донести о размерах и природе содействия, которое должно быть оказано британским и французским правительствами, равно как и о том, каким именно образом названное содействие должно быть осуществлено.

2. Итальянское правительство обязуется дать указания итальянскому верховному командованию об оказании всяческого содействия постоянным военным представителям в отношении документальной информации и передвижения в зоне военных действий.

Текст утверждается.

Франклен-Буйон спрашивает, намерено ли итальянское правительство объявить призыв новых годов.

Соннино.—Подтверждаю, что на фронт уже был отправлен весь призыв 1899 г. и будет ускорен призыв 1900 г. В настоящий момент, в период сева, новый призыв повел бы к усилению тревоги в стране и нанес бы моральный ущерб. Из пожилых возрастов уже были призваны военнообязанные начиная с 1874 г.

Ллойд Джордж.—Сколько человек в настоящее время находится под ружьем в Италии?

Соннино.—Около трех миллионов.

Ллойд Джордж.—Я хотел бы знать, может ли генерал Робертсон сообщить что-либо о салоницком фронте и об итальянских дивизиях в Албании.

Соннино.—По дошедшим до меня слухам одна германская дивизия, пройдя через острова вдоль Далматинского побережья, высадилась в Дураццо. Мы не можем снять оттуда наши дивизии.

Робертсон.—В отношении салоницкого фронта мы зависим от информации генерала Саррайля; было бы желательно получать от него регулярную информацию об этом фронте.

Ллойд Джордж.—Можно было бы включить в протокол, что Высший военный совет предполагает заняться всеми кампаниями, которые сообщаются ведутся представленными в Совете союзниками.

Пенлеве и Соннино выражают согласие.

Соннино читает предложение о коммюнике, касающееся совещания в Рапалло, которое должно быть распространено через агентство Стефани:

«Так как во время переговоров в Рапалло было вынесено решение об учреждении нового междусоюзнического органа, включая Постоянный совещатель-

ный комитет по делам западного фронта, итальянское правительство назначило своим делегатом в названный комитет генерала Кадорну, французское правительство—генерала Фоша, британское правительство—генерала Вильсона.

Верховное командование итальянской армии вместо генерала Кадорны возлагается на генерала...»

Текст коммюнике утвержден*.

Заседание закрывается.

* * *

Совещания последних двух дней проходили гладко, в атмосфере большой сердечности по отношению к Италии.

Орlando внушил к себе большую симпатию своим поведением и своим пылом, выразившимися в фразе: «Будем сопротивляться любой ценой, даже ценой отступления до моей Сицилии».

Никто в такой мере, как он, на котором лежит самая тяжелая ответственность, не мог бы почувствовать сильнее всю серьезность момента, и когда король предложил ему составить кабинет, он будто бы ответил: «Государь, я—солдат, который повинуется приказу своего генерала».

Хэнки, помнивший почтенного, но слишком обремененного летами итальянского премьер-министра в Сен-Жан-де-Мориен, поздравляет меня с переменной. Выясняется, что Пенлеве и Ллойд Джорджу по 54 года, Орlando—57, а Бозелли и Рибо было почти по 80 лет, когда они принимали участие в том совещании.

Когда на вчерашнем заседании Ллойд Джордж (в присутствии генерала Порро) случайно сообщил о назначении генерала Кадорны итальянским консультантом в Совете, следствием чего должна была явиться замена его на посту начальника штаба верховного командования, Порро бесстрастно отнесся к этому сообщению. Побледневшее лицо Порро, казалось, отражало ужас военного положения, к этому примешивалась физическая усталость от бессонной ночи, проведенной в автомобиле, в котором он спешил по скверным дорогам прибыть во-время в Рапалло. Порро сохранял удивительное спокойствие даже в те моменты, когда дискуссия принимала резко критический тон по отношению к сообщенным им сведениям и к итальянскому командованию.

Равным образом Фош, положение которого было неясно, ибо было решено, что функции членов нового комитета, в число которых он был призван, будут заключаться только в выполнении обязанностей технического консультанта Совета, казался спокойным, хотя и с выражением задумчивости на побледневшем лице.

Титул нового учреждения явился предметом непродолжительного совещания. Английское название «Supreme War Council» [«Высший военный совет»] вначале было переведено на французский

* Коммюнике это было опубликовано агентством Стефани 8-го числа с легкими поправками, касавшимися внешней формы. В нем назывались в качестве начальника генерального штаба генерал Диац и в качестве его помощников генералы Бадольо и Джардино.

язык «Conseil Suprême de Guerre» [«Верховный военный совет»], но затем Баррер указал, что значение французского слова «Suprême» не соответствует английскому «Supreme», и для французского текста было принято выражение «Supérieur» [«Высший»].

Совещание коснулось также вопроса о том, кто будет председательствовать на совещаниях, и был утвержден порядок, согласно которому обязанности председателя будут выполняться в течение нужного времени первым делегатом страны, в которой соберется совет. Но так как Франклен-Буйон, выступавший на совещаниях в Рапалло также в качестве переводчика, не ограничивался одним лишь переводом речей выступавших на английский или французский язык и привнесил в них нечто свое в виде разъяснений или возражений, Хэнки с тонким добродушием сказал мне: «Да, все это прекрасно, но когда выступит Франклен-Буйон, мы знаем, что председателем будет именно он».

Днем прибыл Биссолати в военной форме, весь забрызганный грязью, с очевидными следами физической усталости и моральной депрессии.

Долго беседовал с Соннино. Тем временем я разговаривал с начальником его кабинета, привезшим весьма печальные известия.

После беседы с Биссолати Соннино говорит мне: «Когда человек ни на что больше не пригоден, остается револьверный выстрел».

Уже циркулируют слухи о том, что вместо Кадорны назначен генерал Диац. В течение последних часов настойчиво повторялось имя герцога Аостского. Кое-кто из чрезмерно впечатлительных находит достойным сожаления то обстоятельство, что новый командующий носит не итальянское имя. Диац почти незнаком невоенным. Соннино ничего о нем не знает. Генерал де Гондрекур говорит мне, что он хорошо знаком с Диацем и считает его превосходным человеком*.

Пескьера, четверг, 8 ноября

Выехав ночью из Рапалло, мы сегодня утром прибыли в Пескьеру. Унылый пейзаж под дождливым небом. Будто над всем краем нависло неопределенное, но грозное ожидание; земля, казалось, замерла под тяжким бременем.

Никаких приготовлений к нашему приезду на станции не было заметно. Я достал одноконную пролетку, которая довезла меня до города. Схожу у здания, где помещается штаб гарнизона. Ни одного офицера. Вестовой разводит огонь в камине в сырой центральной гостиной, в которой царит ледяной холод. Из каминной идет невыносимый чад.

Извещают о прибытии его величества.

* Несколько дней спустя, продолжая свои расспросы о новом начальнике генерального штаба, я получил следующий ответ от итальянского офицера, весьма близко стоящего к генералу Кадорне: «Скверный выбор!»; от итальянского офицера из ближайшего окружения генерала Диаца: «Прекрасный выбор. Отлично поведет дело. Это — холодный неаполитанец».

Спускаюсь во внутренний проезд здания.

Король здоровается, принужденно улыбаясь, но взгляд его выражает твердость. Быстро поднимается по лестнице и входит в гостиную. Его окружают Орландо, Соннино, Биссолати, Ллойд Джордж, Смэте, Пенлеве, Франклен-Буйон.

Все усаживаются за простой стол посреди комнаты.

На совещании никто, кроме них, не присутствует.

Кое-кто из ближайшего окружения короля подтверждает мне слухи о германском наступлении через Швейцарию и сообщает мне, что Кадорна уже получил извещение о его замене на посту начальника генерального штаба армии.

Как я уже говорил, ни одного секретаря не было на конференции, но, как я узнал позже, генерал Смэте передал впоследствии некоторые подробности конференции Хэнки, который, находясь в пути, составил из них документ, сообщенный мне им самим. Документ датирован в Экс-ле-Бэне 9 ноября.

Из этого документа я извлек нижеследующие заметки, правильность которых Соннино в основных чертах мне подтвердил*.

* Ллойд Джордж в IV томе «Военных мемуаров» публикует полностью протокол Хэнки. В начале этого протокола говорится о том, что итальянский король выразил «великое сожаление по поводу того, что мнение г. Ллойд Джорджа не было принято во внимание и итальянский фронт не был использован союзниками для преодоления сопротивления австрийцев. Он полностью разделял точку зрения г. Ллойд Джорджа и глубоко сожалел о том, что Австрия, находившаяся несколько месяцев назад на грани поражения, получила возможность с помощью немцев обратить создавшееся положение во вред Италии.

Г-н Ллойд Джордж высказал огорчение по поводу того, что итальянский король не присутствовал на Римской конференции, где он энергично высказывался в защиту необходимости комбинированных действий на итальянском фронте.

Итальянский король согласился с замечаниями Ллойд Джорджа и добавил, что ему не всегда удавалось видеть осуществление своих взглядов».

Я опустил в то время эту запись, показавшуюся мне в этой форме неточной; Соннино подтвердил, повторяю, правильность остальной части.

Так же как и Хэнки в опубликованном документе, Ллойд Джордж в упомянутом выше IV томе рассказывает, что он был поражен мужественным хладнокровием, обнаруженным итальянским королем в затруднительных обстоятельствах, когда его страна находилась в опасности. Ллойд Джордж добавляет, что король не выказал признаков страха или моральной депрессии; единственной его заботой было уничтожить впечатление, что его армия не оказала сопротивления: он приводил объяснения, а не извинения по поводу отступления, так что генерал Фош стал выказывать признаки нетерпения. Это выражалось у него в тех протестующих «посапываниях», которые «были понятны тем, кто хорошо его знал». Оставляя в стороне сомнения насчет того, что Фош мог выказать такое непочтение к государю, непонятно, каким образом Фош мог получить возможность так поступить, если, как это явствует из опубликованного самим же Ллойд Джорджем документа, Фош не присутствовал в то время, когда король делал свое изложение, а вошел с английскими генералами Робертсоном и Вильсоном, с тем чтобы выслушать инструкции, которыми конференция решила их снабдить.

Из документа Хэнки не видно, чтобы Пенлеве принимал участие в пере-

Итальянский король высказал свои замечания об отходе итальянской армии перед комбинированным натиском австро-германских войск.

Основными причинами отступления могут считаться:

1) очень густой туман в день наступления на северный фланг итальянской армии, благодаря чему применение артиллерии оказалось невозможным;

2) недостаток итальянских кадровых офицеров, способных надлежащим образом руководить маневренными операциями, когда отступление уже началось.

Итальянская армия потеряла в течение войны около 30 тысяч офицеров. Заменявшие их молодые офицеры не прошли достаточного военного обучения и не смогли удержать в руках своих солдат при отступлении. Солдаты также были мало обучены и могли только оборонять траншеи и совершать несложные наступления. Они не были достаточно обучены для того, чтобы маневрировать в случае отступления, и когда его пришлось совершить, оно приняло беспорядочный характер. Король видел, что то же случилось с австрийскими солдатами, которые не умели отступать в подлинном смысле этого слова и легко становились добычей наступающих после прорыва австрийского фронта итальянских частей. Он полагал, что пацифистской пропаганде в итальянской армии приписывалось чрезмерное значение. Правда, в этом направлении работали социалисты и духовенство, но король не считал, чтобы моральное состояние итальянских войск было серьезно поколеблено этими влияниями. Он приписывал большее значение продолжительности войны, вызывавшей в людях усталость и депрессию, в особенности в тех, которые возвращались на фронт после отпуска в подавленном настроении, ибо видели, в каком состоянии находятся их семьи и личные дела.

Хотя и выдвигались обвинения в измене, однако они ни в одном случае не были доказаны, и король оставался при своем мнении, что противник не оказал на армию серьезного в этом смысле влияния.

Относительно отступления король заметил, что отход III армии был выполнен благополучно, удалось перевезти даже значительное число раненых. Наибольшим испытаниям подверглась II армия, но многие тысячи людей уже собраны в тылу и будут вскоре реорганизованы. Он повторил свои слова о том, что он не верит, чтобы моральное состояние этих войск было

говорах, да это было бы абсолютно невероятным. Ввиду пунктуальности Хэнки это, быть может, следует приписать тому обстоятельству, что Сметс, рассказывая Хэнки об этой беседе, непреднамеренно опустил это место, побуждаемый естественным желанием напомнить и подчеркнуть главным образом то, что касалось Ллойд Джорджа, а не Пенлеве. Так как этот последний говорил только по-французски, а перевода, быть может, при этом не имелось, Сметс мог испытать затруднения в передаче слов Пенлеве.

серьезно поколеблено, и указал, что во многих случаях он убедился в этом лично.

Из трех дивизий, находившихся в Кадоре, одна отступила в порядке, о двух других не имелось сведений в течение нескольких дней и неизвестно было, были ли они отрезаны неприятелем или же, отступив благополучно через субальпийскую зону, отошли к западу.

Что касается будущего, король полагал, что линия Пиаве несомненно могла быть удержана. На правом берегу было уже установлено 400 орудий крупного и среднего калибра и 600 полевых. Рылись траншеи, и валы вдоль берегов рек являлись прекрасным прикрытием. В случае оставления этой линии положение сделалось бы тяжелым не только потому, что Венеция была бы потеряна, что само по себе весьма важно, но и потому, что потеря Венеции означала бы уход итальянского флота в Бриндизи и Таранто, ибо никакой другой возможной базы вдоль итальянского побережья Северной Адриатики не имелось. В этом случае австрийский флот и подводные лодки заняли бы господствующее положение в этом море, ситуация на море значительно ухудшилась бы. Поэтому король считал, что следовало приложить все усилия к удержанию линии Пиаве.

Слабым местом этой линии являлась северная ее часть, где нависли германские силы, расположенные на правом фланге австрийской армии. Если бы противнику удалось форсировать верхнюю Пиаве и взять возвышенность Монте-Граппа, позиция вдоль Пиаве могла быть обойдена, что повлекло бы за собой дальнейшее отступление. Монте-Граппа была теперь нами занята, и делалось все необходимое, чтобы задержать неприятельское продвижение, но не было сомнения, что этому сектору угрожала серьезная опасность.

Ллойд Джордж резко высказывался о состоянии итальянского верховного командования.

Сведения, полученные английским и французским правительствами, вынудили их просить о полной смене командования.

Они были вправе выступить с этими замечаниями не только в интересах итальянской армии, но и потому, что английские и французские дивизии прибывали в Италию и должны были поступить под высшее руководство итальянского командования.

Итальянский король ответил, что хотя он ни в какой мере не разделяет критики действий генерала Кадорны, он тем не менее полагает, что следует принять во внимание высказанные по этому поводу замечания. Его правительство уже решило заменить генерала Кадорну генералом Диацем. Относительно еще не старый офицер, но находившийся в генеральном штабе до и в течение войны, Диац признавался всеми мозгом итальянской армии и глубоким знатоком военной науки. Сам король питал к нему большое доверие и, несомненно, на нем остановил бы

свой выбор из числа офицеров итальянской армии. В целях большего укрепления верховного командования правительство решило поставить рядом с ним генерала Джардино, человека необычайно энергичного и исполнительного, деятельность которого могла бы явиться полезным дополнением к мероприятиям генерала Диаца.

Ллойд Джордж.—Касаясь нынешней ситуации, замечу, что по мнению французских и английских военных четыре французские дивизии, находящиеся уже в Италии, не получили наилучшего использования, так как дивизии эти были отправлены в район к западу от озера Гарда, вдоль Валь Джудикарий, между тем как, и об этом упоминалось также его величеством, наибольшая опасность грозила в области верхнего Адидже и на плоскогорье Азиаго. Французское и английское правительства согласны полагали, что ввиду необходимости принятия срочных мер, вызываемых создавшимся положением, следовало бы предоставить генералам Вильсону и Фошу дискреционное право⁸ расположить находящиеся в Италии шесть франко-английских дивизий в тех секторах итальянского фронта, где они, по мнению названных генералов, могли бы оказаться наиболее полезными.

Было решено, что:

Генералы Вильсон и Фош немедленно проследуют с г. Биссолати в Падую в главную ставку итальянской армии для обсуждения с генералом Диацем военной ситуации, после чего они должны направить шесть союзных дивизий к наиболее опасным пунктам итальянского фронта, не ожидая дальнейших инструкций от своих правительств. Однако они должны будут совещаться с английскими и французскими генералами, командующими этими дивизиями.

После этого были приглашены генералы Робертсон, Фош и Вильсон для сообщения им вышеуказанных решений*.

Итальянский король сохранял спокойствие во время конференции и заявил, что он сделает, со своей стороны, все возможное для достижения победы дела союзников. Он полагает, что в прошлом можно было бы признать большее значение за итальянским фронтом и что в настоящее время, более чем когда-либо, он считает, что итальянский фронт в ближайшем будущем может приобрести еще более обширное и важное значение. Он выразил свое удовлетворение и благодарность за готовность английских и фран-

* Размеры помощи союзников были доведены в результате переговоров в Рапалло и Пескьере до 11 дивизий—шесть французских и пять английских, из коих французские прибыли в Италию между 31 октября и 2 декабря, английские же—между 11 ноября и первой половиной декабря. Сбор французских дивизий состоялся в Брешии, английских—в Мантуе. Первые подразделения этих войск присоединились к действующим войскам 4 декабря, после того как австро-германское наступление было задержано.

пузских союзников оказать полное содействие итальянской армии в начинающийся период войны.

После совещания король беседует за завтраком с одними лишь итальянскими министрами. Завтрак, отличающийся чрезвычайной скромностью, доставлен сюда в корзинах. Затем король возвращается в главную ставку.

В промежутке Орlando представляет ему на утверждение набросок воззвания, начинающийся следующим образом: «Великое бедствие истерзало мое сердце итальянца и короля». Король вычеркнул эту фразу, одобрив остальную часть воззвания.

Спрашивая Соннино: «Что говорил его величество об австрийском предложении мира?»

Соннино: «Мирное предложение? Я об этом с ним не говорил»*.

Выезжаем по железной дороге в разных направлениях.

В вагоне-ресторане сижу за небольшим столиком с Хэнки. Он говорит мне о сражении во Фландрии, начатом с такими большими надеждами на окончательный успех, но дающем столь незначительные результаты, и рассказывает о затруднениях с Ирландией. Ллойд Джордж, слушающий нас за соседним столиком, вмешивается в разговор: «О чем вы, Хэнки?», и, блестя живыми, улыбающимися глазами, успокоительной фразой разрешает эти затруднения.

Пенлеве покидает нас, чтобы передать привет французским войскам, которые находятся уже по соседству с нами. Мы встретили воинский поезд: у войск отличный вид и бодрое настроение**.

* Соннино в течение целого месяца переходил от надежды к отчаянию. Однажды в Париже (29 ноября) он сказал мне: «Я больше не надеюсь получить Триест; Италия, быть может, будет расчленена». В тот же день за столом в присутствии Орlando и Соннино Нитти бросил замечание: «Что бы ни случилось, Италию можно будет индустриализировать». Соннино ответил: «Не стоило бы тогда жить. Главное всего независимость». Клемансо за день перед тем, на заседании на Кэ д'Орсе, заявил: «Война окончится в августе 1919 г.» Соннино: «А как достигнуть этого?». Однако, несмотря на периоды уныния, которые отзывались на физическом его состоянии (он говорил мне: «Несколько недель мне по ночам не удастся закрыть глаза»), Соннино неустрашимо следовал избранному им прямому пути, как человек, решивший бороться до конца.

** Без сомнения, Франция, подобно Англии, посылая нам свои подкрепления, выказала лояльность, сердечность и готовность помочь нам в соответствии с соглашениями и предначертаниями 1916/17 г. Но это не мешало дипломатическим органам забыть о своем долге в интересах Франции. Позднее, в конце ноября, в период нашего пребывания в Париже, итальянский посол Бонини рассказывал Соннино, что на Кэ д'Орсе ему по неосторожности дали прочесть телеграмму Баррера, в которой он констатировал оказанное нами на реке Пиаве сопротивление, но добавлял, что было бы, однако, желательно, чтобы французские войска возможно скорее прибыли на итальянский фронт, дабы вместе с тем создать впечатление, что они принимали участие в обороне.

(Как я уже упоминал, войска союзников влились в действующие части 4 декабря, уже после остановки австро-германского наступления.)

В этом же смысле следует рассматривать другую телеграмму Баррера, которую полковник Эрбийон приводит в своих «Souvenirs» (v. II, p. 161), в главе, датированной 9 ноября 1917 г. В этой телеграмме Баррер, вероятно

В Брешии префект рассказал мне о панике, охватившей город в связи с тем, что из местного музея без его ведома была вынесена на глазах у населения статуя Крылатой Победы⁹.

Ллойд Джордж, отвечая на приветствия одной местной особы, вспоминает о героическом городе, «который боролся и, если понадобится, будет вновь бороться за свободу».

Ллойд Джордж едет с нами до Милана. Ночью во время остановки поезда он пожелал взглянуть на Миланский собор, который ему незнаком. Берем такси, единственно доступное средство передвижения, и сопровождаем его с дочерью по городу, который весь погружен в темноту и имеет военный вид, до площади, на которой высится собор. Они выходят из автомобиля и, как могут, разглядывают собор с верхней площадки ведущей к нему лестницы.

Затем англичане отбывают в Англию, мы выезжаем в Рим.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду итальянское правительство, с которым Ватикан прервал дипломатические отношения после взятия Рима в 1870 г. и объявления его столицей Итальянского королевства. Отношения были восстановлены лишь в 1929 г. в силу Латеранского конкордата, по которому Муссолини признал светскую власть папы над «государством Ватикана».

² Имеется в виду забастовка в Турине в августе 1917 г., вызванная голодом и войной; забастовало свыше 40 тыс. рабочих. Забастовка сопровождалась демонстрациями.

³ В битве при Капоретто (24 октября 1917 г.) итальянская армия была разбита австро-германскими силами. От поражения при Капоретто Италия не могла оправиться вплоть до конца войны. Понадобилась срочная помощь английских и французских дивизий для спасения Италии от окончательного разгрома.

⁴ *Междусоюзнический парламент*—имеются в виду так называемые междусоюзнические парламентские совещания, т. е. собрания делегатов от английского, французского, итальянского, бельгийского и др. союзнических парламентов. На этом съезде принимала участие и делегация русской Государственной думы.

⁵ *Битва при Павии в 1525 г.*—сражение между войсками французского короля Франциска I и армиями императора (Габсбурга—Карла V). Во время этой битвы Франциск был разбит, взят в плен и посажен в тюрьму. Был выпущен из плена только после того, как подписал условия, предъявленные ему Карлом V.

из желания побудить добиваться осуществления того, чего так упорно желали во Франции, извещал, что «итальянцы были бы готовы принять французское верховное командование», но приведенные мною четкие заявления Орландо и Соннино не только не оставляют никаких сомнений на этот счет, но являются прямо противоположными.

⁶ *Третья Италия*—имеется в виду объединившаяся окончательно в 1870 г. Италия. Третьей она названа здесь потому, что первой была Римская империя, а второй—Италия до объединения.

⁷ Имеется в виду провозглашение Германской империи 18 января 1871 г. в Версальском дворце, в присутствии всех германских князей.

⁸ *Дискреционное право*—право принимать решение по личному усмотрению.

⁹ *Статуя Крылатой Победы*—древнеримская скульптура, изображающая богиню победы. Вынос ее из музея произвел тяжелое впечатление на население.